

С (Точка)
У 49

ISSN 0235,0688

УЛУГ ХЕЛИ

2,2000

В НОМЕРЕ:

Светлана КОЗЛОВА

"...Трудная земля моей любви..."

Антон УЕРЖАА

"...Убил я ложь — как злую птицу влет..."

Куулар ЧЕРЛИГ-ООЛ

"...Наверно, свою догоняешь мечту..."

Евгений АНТУФЬЕВ

"...И в зеркале встречу с ней..."

Светлана ГРИВИНА

"...Этот мир обновляя стихами..."

Алексей АРЕСТОВ

"...Я подбирал себе начало..."

Кондратий ЕМЕЛЬЯНОВ

"...Все судьбоносно! Абсолютно все!..."

Анатолий БЫКОВ

"...Оттолкнись от судьбы заумной..."

УЛУГ-ХЕМ

СОЮЗ
ПИСАТЕЛЕЙ
РЕСПУБЛИКИ
ТЫВА

2(27).104.2000

*ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ*

Выходит
один
раз
(на русском языке)
в год

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УЛУГ-ХЕМ»
КЫЗЫЛ — 2001

Главный редактор
Ч. Ч. Куулар

Редактор номера
и составитель
Э. Б. Мижит

Художественный
редактор
В. У. Донгак

Редакционная
коллегия:
А. А. Даржай
Е. В. Антуфьев
Н. Ш. Куулар
З. Б. Самдан
А. Х.-О. Ховалыг

Учредители журнала: Правительство Республики Тыва, Комитет по печати и информации, Министерство культуры и кино, Союз писателей Республики Тыва, творческий коллектив журнала «Улуг-Хем».
Издатель: Союз писателей Республики Тыва.

Журнал зарегистрирован в Тувинской Республиканской инспекции по защите свободы печати и массовой информации. Рег. № Т—00020.

У 4702580600—02
133(01)—2000

47,2.58.6
ББК 84—4—5 Р2

МАТЕРИНСТВО

Прошло почти три с половиной года со дня смерти Светланы Владимировны Козловой, поэта, переводчика, журналиста, матери девяти детей, жены известного всей Туве писателя и человека с большой буквы Анатолия Федоровича Емельянова.

В двадцать два года в августе 1955-го она приехала из Москвы в Кызыл и всю жизнь посвятила республике.

Спустя годы удивительно понимать, как в нашей семье Емельяновых-Козловых уживались два признанных писателя. Но, действительно, они помогли друг другу в творчестве, дружно вели домашнее хозяйство, воспитывали детей...

Преждевременная смерть мужа и старшего сына Федора не сломили Светлану Владимировну. Тяжело боля, она продолжала работу журналиста, активно участвовала в общественном движении «За Советский Союз», ее поэтический полет не прерывался до роковой операции, проведенной на ее родине в Москве 17 марта 1997 года.

Светлана Владимировна, по желанию ее старшей сестры Ирины Владимировны Козловой, похоронена на Ваганьковском кладбище, где лежит С. Есенин, А. Митрофанов, В. Высоцкий, Т. Чадамба. Пусть земля им будет пухом, вечная им память... Ваганьково навсегда объединило судьбы этих сильных личностей.

В журнале мы знакомим читателей со стихами Светланы Владимировны, написанными в последние годы ее жизни. Но это не прощание. До конца не изучен архив поэта, не опубликованы все ее произведения. Жизнь поэта продолжается в его стихах...

К. Емельянов

ВЕТЕР

Летом в Туве бывает,
бывает — поздней весной:
с утра на степь наплывает
тупой и вязущий зной.
Хоть птица бы где пропела!
Куда там...
Словно струна,
Натянута до предела
удушливая тишина.
И день так пройдет, и вечер,
тянется, как, ползком...
И вдруг —
как ударит ветер —
резкий,
сквозной,
с песком!
Закроешь лицо руками
и в юрту —
а он и там,
гудит.
Пролетел и замер,
и снова цвести цветам.

Рождая детей, старея,
хозяйкою и женой,
смогу ль усидеть в норе я?
По мне ли, он
Вязкий зной?
Нет.

КОРЕНЬ

Трудная земля...
Мороз и зной,
пыль и снег,
и ветер, ветер, ветер..

Трудная земля.
Но мне иной —
легче,
благодарнее —
не встретить.
Здесь порой пшеница высока,
а порой случается такое:
бьют морозы по живым росткам,
что осталось —
догорит под зноем.
Солнцем дно реки обнажено —
постоит до осени пустая —
Сквозь мощеное камнями дно
Топольки упрямо прорастают.
Смоет их осенняя вода,

Лед скует...
Но, несмотря на это,
Новые —
На будущее лето —
Из камней ползут.
Как всегда.
Люди.
С ними тоже шутки брось:
Только глянут на тебя с порога,
незнаком,
а разглядеть насквозь...
Впрочем —
впрочем, ошибиться могут.

Мне знакома соль твоей жары
Твой мороз глотками я глотала,
в чистые,
высокие костры
радугу осеннюю сметала,
я изъездила твой поля,
помню все пригорки и обрывы.
Мной посаженные тополя
до того мне кажутся красивы!..

Трудная земля моей любви.
Радости твоей
всегда я рада.
Празднуй,

строй,
обдумывай,
живи —
мне другого от тебя не надо.
Не дарила ты меня ничем
и ничем меня не обделила —
просто я,
как горы,
насовсем
от тебя неотделима.
Солнце еще осветит
невиданные пути...
Тувинский,
тревожный ветер,
над жизнью моей
лети!

10.10.1996 г.

Антон Уержаа

* * *

Не знаю, кто тогда огонь разжег,
кто долгой ночью обогрел меня, —
я был лишь гость у этого огня.

А в той ночи не видно было слез,
и в черноте печали затаюсь,
убил я ложь, — как злую птицу, — влет.

Вино разбавив горечью обид,
усталости, нечаянности, страсти, —
вином огонь небесный окропил,

У очага дорога умерла,
тревоги сухостоем полыхали,
осталась только стылая зола.

Не знаю, кто тогда огонь разжег,
кто долгой ночью отогрел меня, —
я был лишь гость у этого огня.

Но до сих пор — стоят седые камни
и среди них катается, звеня,

бессонного и горького вина...
бутылка из-под этого — ночного,

* * *

Вода сопротивлялась.
Иноходцем
стремила непокорный, легкий бег.
Смирили. И, испачканную, кроткую
погнали в поле, где растили хлеб.

Иду по мертвому, нагому руслу.
Туманится тяжелый запах тины.
— Тебя мы победили, победили, —
высокие хлебы смеются сухо.

Вот бывший пруд. И тучи воронья,
вопя, закрыли солнце от меня.
Здесь стаи рыбы, радужной, живой,
в удушье сдохли, в грязной луже сгнили.

Река! Мы победили. Победили.
А брюшки рыб — как чистый белый флаг,
которым речка молит о пощаде.
От этой белизны темно в глазах.

ДАПСЫ

Блеск тупого клинка
смешней речей дурака.
У мужчины клинок
рубит влет волосок, —
так говорил отец.
— Хрупкий камень дапсы,
податливый, словно сыр,
наточит любую сталь,
самый твердый булат.

В слова моего отца
предков вплелись голоса,
строгих, степенных людей,
пасших отары овец,
промышлявших в тайге.

Когда отец уходил,
жить по-людски наказал, —
лишь минерал доброты
возьмут этой жизни сталь.
Хрупкий камень дапсы.

* * *

Весной
по льду вершин легко скользя,
я принесу тебе, любовь моя,
букет птенцов пушистых, эдельвейсов.

Дай только срок.

Любовь мою
овеет страстью лето,
и радугою в ночь твоих волос
вплету я ослепительные ленты.

Дай только срок.

Спустился холод с темных перевалов,
неторопливо осень кочевала,
любовь ждала, любила и желала.

Дай только срок.

Чью седину по снегу разметало?
...Метель шептала нежно и устало,
что вышел срок.

Переводы *Инны ПРИНЦЕВОЙ*.

Куулар Черлиг-оол

ВЛИЯНИЕ ДЕДА САНДАКА

Главы из повести «ШОРААН»

Скота у Багыра было немного, и он уже начал привыкать к кочевой жизни. Лишь беспокойство за судьбу слепого сына ни на минуту не покидало его: Шораан так тянется к знаниям, ко всему новому—можно ли ему расти вдаль от людей?

И когда выпал первый снег и подмерзла земля, Багыр, наконец, решил. Вместе с семьей перебрался в местечко Шогур, недалеко от поселка Чаа-Холь, к аалу деда Сандака.

Старик жил у дороги и отличался завидным слухом. От проезжих он уже давно знал, что у Багыра подрастает слепой сын, очень способный к музыке.

...Первой забеспокоилась собака, потом слышались шаги и голоса.

— Шо-шо, ноги замерзли, отец! А пес не укусит?

Сандак быстро вышел из юрты на звонкий мальчишеский голос:

— Эгер! Эгер! Сок. На место, охаай! Я держу Эгерек за ошейник. Сынок с мамой, скорей заходите в юрту.

— Здравствуйте, брат, в мире ли живете?

— Здравствуй, дочка, в мире, в мире. Скорее входите, пусть мальчик согрется. У него, бедного, даже кулачки покраснели. Как холодно сегодня!

Вместе с приветствиями подоспел и горячий чай. Говорят, у разговорчивого чай легко пьется. Особенно когда гости устали и замерзли, а в пиалах обжигающим молоком залито душистое толченое жареное просо. И постепенно уходит усталость, а замерзшие руки и ноги начинает приятно покалывать.

Приезжих наверняка давно ждали — на огне в медном котле булькала и пускала вкусный пар зайчатина.

Зимний вечер, затянутый туманом, был скор. Сандак и Багыр только и успели, что поставить юрту и занести в нее вещи.

— Угощайтесь супом из зайчатины. Говорят, это мясо самое сытное, — пригласила жена Сандака.

— Аге, вот так Сат! До сих пор зверей добывает. А мясо вкуснее зайчатины действительно не найдешь. Отведаем, отведаем, не откажемся.

— Вы его силком поймали, да дедушка?

— Да, сынок, я поставил ловушку, а утром зверек уже и попался. У зайцев ведь одна тропинка, вот они легко в силки и попадают.

На некоторое время все умолкли, слышалось только прихлебывание супа. Шораан, решив, что молчание затянулось, вдруг сказал:

— Дед Сандак еще и не думает играть на бызаанчи, а горная мышка уже собирается ему мелодию подсказать.

Все дружно засмеялись. Даже седоголовый дед едва сдержал улыбку — так неожиданна удачно была шутка мальчика.

— Уваа, какой острый слух у ребенка! Ведь здесь у нас, как в пчелином улье: столько народу с шумом пьет бульон, а он услышал, как крыса пискнула под сундуком. Да он просто рожден музыкантом!

Похвала смутила Шораана. Мать заметила это и, желая отвлечь от мальчика внимание взрослых, сказала:

— Чтобы не брать в путь лишнего груза, мы весь хойт-пак перегнали на араку. Багыр, угости, пожалуйста, хозяев...

С этими словами она вынула из седельной сумки когээр и подала мужу. Багыр налил в пиалу араки и двумя руками, с поклоном, протянул ее старику.

— О, Хайыракан! Богатый Буура, Богатый Урбун! Азар-Дээр! Огонь священный! Не допусти до нас и до нашего скота джута и болезней! Горе и страдания сотри, Алтай-Танды! — Тихо прошептав еще какие-то слова, он обмакнул средний палец в араку, и брызнул ею на четыре стороны света, в огонь и в небо, медленно опрокинул в рот остаток, вытер усы и проговорил:

— Подай бызаанчи сыну, Багыр. Охаай, смотрите, как привычно он его берет. Ну, сыграй, сынок.

Мальчик вдруг разволновался так, будто сдавал первый в жизни экзамен. Но любимые мелодии скоро успокоили его. После бызаанчи он сыграл на хомусе, потом на мандолине. Играл он свободно, от души. Ведь это был его любимый мир — мир звуков.

Старик слушал, не шевелясь и закрыв глаза. Вспоминал, мажорное, свою долгую жизнь и было ему грустно, что за все

эти годы не удалось (или не пришлось?) воспитать себе наследника-музыканта.

А вот теперь перед ним сидит слепой мальчик, игре которого позавидовали бы многие прославленные мастера. Да, у этого малыша большое будущее!

Сандак вздохнул, открыл глаза, кулаком, смахнул слезу:

— Вот это талант! В жизни я не встречал музыканта с таким слухом. Не буду хвастать, но бызаанчи я неплохо играю. И научу Шораана таким мелодиям, которые глядят желудок беднякам и крутят уши у негодяев! — решительно пообещал он.

Шораан слушал, не шевелясь и обняв мандолину обеими руками. Опустил голову и Вагыр. Он понимал, что только музыка помогает сыну победить несчастье.

Старик помолчал, пригладил белую, словно козья шерсть, бороду, хитро глянул на притихших гостей и начал рассказывать:

— В давние времена это было. Жил на Хемчике музыкант, певец Дембилдей, слепой на оба глаза. Говорят, очень уж хорошо играл на дошпулуре и мастером горлового пения был. Вместе с женой на завьюченных лошадях ездили по аалам — она помогала шерсть обрабатывать да коров доить, а он играл и пел.

Часто его приглашали туда, где намечалась свадьба или предстояла большая работа по расстилке и обработке шерсти. Приглашали как дорогого гостя, сажали на самое удобное место, подносили почетный подарок — хадак-сержи.¹

Пока работа идет — он знакомится с хозяевами, интересуется делами, семьей, смешные истории рассказывает. И так до вечера, до окончания работ.

А после тяжелого труда — всем угощение. Быстро накрывает стол: тут и молочная еда, и сыр аржы, и пельмени, и тяжелый курдюк. Старшим подносят араки. А потом наступает время песен. Все разговоры стихают, все смотрят на Дембилдея.

Расправит Дембилдей плечи, поведет головой слева направо, окинет взглядом притихших людей, и начинает играть медленную, тягучую мелодию. Потом исполняет хоомей: «У-вай-у-вай-у-вай-оо!».

¹ Сержи хадак — небольшой кусок (около 1 метра) белой материи, обычно китайского шелка, который традиционно подносят в качестве подарка.

И уже кажется людям, что сокращаются далекие расстояния, тяжкий труд становится легче, стесненная грудь дышит свободнее. И даже кукушки, чьими голосами обычно наполнен лес, умолкают.

Потом народ начинает песни петь. А там и слезы близко: изливают душу перед певцом, про беды свои и несчастья рассказывают. И снова поет Дембилдей, и снова звучит в тишине его завораживающий голос.

И так хорошо становится, как будто ушли все печали, дышится легко-легко, и можно жить да радоваться! А все оттого, что открыл своим искусством Дембилдей человеческие сердца, выпустил из них все злое, дурное, темное — и подарил доброе и хорошее.

Люди, счастливые, провожают певца, навьючивают его кося шкурами и разной едой так, что бедный Ала-Кула еле везет.

Никто не знал настоящего имени Дембилдея, все — и богат, и бедняк — называли его одинаково: Певец. И было в этом слове высокое уважение к человеку большого сердца, восхищение его неповторимым искусством.

У лучших музыкантов учился Дембилдей. Постиг все тайны мастерства, а в горловом пении не было ему равных. Побывал в Монголии и Тибете, слушал там самых знаменитых певцов, прославил тувинские бызаанчи и шанзы в далеких краях. Слава большого музыканта долетела и до снежных вершин Монгун-Тайги, и до седого Алтая, и до степной Хакасии.

Был случай, когда на встречу с Дембилдеем, как на большой праздник, собрались певцы и музыканты из Коп-Соока, Бай-Тала, Ак-Бажы, Ыт-Суу, Хаван-Суу, Кучун-Суу, из безволосого Какпаяка, Аны и Оны, Арзака и Шетчика, Алаша и Кара-Холя, из Тапсы.

«Даже когда приезжал генерал из Китая, не собиралось столько народа. Что это за сборище, что за шум?» — удивлялись богатые чиновники.

А Певец отвечал на эти глупые вопросы смелой песней:

Чтобы вам служить, о-о, дынгыл-дынгылдай,
Некогда мне на ковер ступить, о-о, дынгыл-дынгылдай.
Чтобы им служить, о-о, дынгыл-дынгылдай,
Заглушаю пение кукушки, о-о, дынгыл-дынгылдай.

И когда звучал щемящий голос бызаанчи, как говорится в пословице, поглаживающий печень бедняков, когда после каждой строчки Певец плавно протягивал: «О-о, дембил-дем-

билдей», любая скорбная душа оттаивала, даже богатые чиновники утирали слезы, о Будда! — а звери и птицы Бай-Тайги становились в это время немymi, как рыбы.

Песни Дембилдея, то печальные, то веселые, становились для людей целебным источником, лесными ягодами, столько в них было силы и доброты. Говорят, с тех пор Бай-Тайга и стала песенным да сказочным краем — так велико было уважение народа к Певцу-музыканту Дембилдею.

Но слышалось иногда в его песнях и другое: великая боль и тоска о том мире, которого он был навсегда и несправедливо лишен:

Света не видят мои глаза.
Шелохнется, не шелохнется ли Бора-Холь—
Луны не видят мои глаза.
Течет ли, не течет ли Бора-Холь—

Никто не знал, откуда родом Певец. Но, слушая его, многие догадывались, что он из низовий Хемчика; может быть, из Чадана. Наверное, в молодости слыл ловким, смелым, лихим парнем, хотя и был слеп:

Бора-Холь чуть заметно движется
Глаза мои не увидят света.
Для вас, собравшихся, песни петь—
Голос мой, как у иволги.

Бора-Холь еле-еле течет.
Глаза мои не увидят луны.
Для народа песни петь—
Голос мой, как рожок звонкий..

ПОДАРОК ДЯДИ

Шораан умывался на берегу реки Чинге. Над камнями с переплесками журчал поток воды. Мальчик брал в руки прохладные камешки, бросал их в воду и размышлял: «Какими необыкновенными звуками наполнена природа! Эту переправу называют Сайлыг-Саарыг. Река здесь мелкая и широкая. Быстрый поток на своем пути сглаживает множество камней. Отец говорил, что река берет начало на высокогорье Урбун. Там блестят белые, как молоко, льдины. Среди камешков, которыми я играю, есть белые, синие, желтые, красные. А для меня окружающий мир — темнота. Мои друзья восхищаются чудесными оттенками камней. Значит, в них скрыта какая-то таинственная радость, да? Когда начнут видеть мои глаза, тогда и я смогу познать красоту вселенной.

Однажды мальчики дали мне подержать хариуса. Он был такой скользкий и холодный! Приятно слушать говорливое журчание воды. Оно напоминает мне того скользкого хариуса. Камни пахнут тиной. Наверное, там очень много рыбы, и поэтому они так пахнут? Тогда почему эти рыбы не прикасаются к моим ногам? А-а, да ведь у них есть глаза!»

Вдруг его мысли отвлекло курлыканье журавлей, летящих вдоль реки:

— Крр-у-у, крро-о-к! Крр-у-у, крро-о-ок!

— Как тоскливо поют эти птицы! Может быть, они не хотят расставаться с родными озерами и лугами? Эхо их крика отдается в крутых скалах. О чем они курлыкают?

Мои друзья тоже отправились учиться в школу. А я остался один-одинешенек, как это озеро Сарыг-Хол.

Шораан кинул прохладный гравий в воду. Потом осторожно взял в зубы хомус и низким голосом прошептал слова песни:

Как жалок я в тоске своей,
Как солонец земли моей!

Раньше он играл на хомусе только мелодии. А сейчас, исполнив песню, очень обрадовался.

— Ой, давай-ка я попробую другую!

На вершине высокой горы
Будто бы облака плывут...

Вдруг невдалеке послышался взволнованный голос матери:

— Идет черная туча, где сейчас мой сыночек? Вдруг он испугается грома? Шораан! Сы-ноок!

Чакыйма стремительно бежала вдоль реки. Сын шел к ней навстречу с ведром.

— По-ок, бедный мой сыночек! Сколько воды набрал! Давай возьму тебя за руку. Как хорошо ты идешь, сынок, даже не сбился с пути!

— Мама, я ведь слышу шум реки. Ее журчание осталось позади. С правой стороны маленькое русло поет, а когда приближаюсь к юрте, Ак-Хол с визгом встречает меня. На летнем пастбище все звуки помогают найти дорогу к дому. Подожди, я слышу топот копыт. Это лошадь и всадник. Кто это, посмотри!

— Сынок, этот всадник так далеко, я его вижу в самом конце леса. Как ты услышал?

— Отец же говорит, что у меня отличные уши. Я давно услышал фырканье чужой лошади. Погода пасмурная, и, наверное, рой комаров скопился возле ее ноздрей, вот она и фыркает. Всадник сейчас приближается к местечку Хам-дыт. Как четко слышен звон уздечки! А если бы уздечка была серебряная, то звук был бы нежнее. Ак-Хол узнал всадника! Кто это, мама?

— Это твой дядя Сотпа, сынок!

— Оой, как хорошо! Оой, как хорошо! Дядя Сотпа едет, оой-эй! От радости сына осветилась душа бедной женщины. Она поздоровалась с братом и быстро пошла в юрту. Там ее ждали посуда и очаг.

— А я знаю, зачем ты приехал, дядя.

— Зачем?

— Чтобы забрать меня в школу.

— Да, учителя попросили помочь тебе. Время от времени, когда буду приезжать, буду заниматься с тобой, показывать новое в учении. А на следующий год поедешь в школу.

— Ура-а!

Чакыйма, радуясь приезду брата, хлопотала над угощением. В юрте аппетитно пахло жареной печенкой. Вскипел чай. На ширээ, около миски со сметаной, грудой лежали только что приготовленные, исходящие паром быштаки.

И вот семья Багыр-оолов торжественно села отведать обильную еду, приготовленную хозяйкой в честь приезда Сотпа.

В те времена ученики четвертого класса считались уже вполне взрослыми людьми, а порой их даже приравнивали к учителям. Потому что очень многие, закончив четырехлетку, ехали в отдаленные кожууны для организации ликбезов. Культурная революция наступала сплошным фронтом.

— Дядя привез тебе мандолину, — как бы между прочим сообщила мать, когда Шораан допил чай.

— А что это такое? — спросил мальчик.

— Вот такой музыкальный инструмент, вроде нашего дошпуддуура, только струн у него побольше, — пояснил Сотпа, резво наигрывая на танцевальной мандолине мелодию «Декей-оо».

— Ого, как здорово!

Лицо Шораана засветилось от радости. Он вскинул голову и с каким-то даже удалством потребовал:

— Дай-ка, я попробую.

— Погоди, для начала запомни вот эту мелодию.

Жили у бабуся
два веселых гуся...
один серый, другой белый,
два веселых гуся,

А по-тувински будет так:

Кырган авазынга
хогдуг кастар турган.
Бирээни ак, бирээни кок
чаптанчыг-ла куштар.

— Дай сюда левую руку, Шораан. Держи мандолину этой рукой, вот так, охаай. А правую клади сюда, на струны. Этими тремя пальчиками обычно пишут, ты это знаешь, а теперь — проведи ими по струнам. Легко и плавно, охаай! Ты же играешь на дошпулдууре, а тут немножечко другие лады, привыкай к ним.

...Радость всегда приходит неожиданно. Совсем недавно на озере уныло курлыкали журавли. Тоска, теснившая грудь незрячего мальчика, была такой же тяжелой, как тучи, из которых внезапно хлынул ливень. Чакыйма, услышав первые раскаты грома, заметалась вокруг юрты в поисках сына. Вернулся из деревни Сотпа и, узнав, что племянника нигде нет, даже не соскочив с лошади, тоже помчался на поиски по берегу Чинге.

Оба вернулись, когда ливень уже прошел, а гром, оставая эхо в скалах, покатился вниз по Улуг-Хему. Сразу из-за туч выглянуло веселое солнце, а на лиственнице за юртой дружно грянул птичий хор. И, как будто вторя этому ликующему пению, звенел колокольчик на шее жеребенка.

В народе недаром говорят: «Увидев гору, волк радуется, увидев дядю — племянник радуется».

Как здорово, что приехал Сотпа! Ведь совсем одиноко было нашему несмышлennyшу. А теперь, смотри-ка, вон как повеселел Шораанчик. Бегаёт за дядюшкой, как зрячий, только пятки сверкают. А сегодня они на рыбалку ушли.

— Чем заняться, жена? — по старой привычке обо всем советоваться с Чакыймой, спросил Багыр-оол.

— Сотпа говорил, что пробудет у нас два дня, а завтра уже воскресенье. Пойду подою коров, а ты заколи рыжего козла. Дедушка Сандак говорил, что Сотпа любит летом поесть холодной козлятины, — словно угадав мысли мужа, сказала, Чакыйма.

— Золото и серебро не ржавеют, родственники друг друга не бросают, так еще говорил мудрый Сандак. Молодец твой братишка, вон как заботится о Шораане. Очень они при-

чьим делом, — так, вслух размышляя на ходу, Багыр-оол отправился за ножом в юрту.

К приезду рыбаков он уже вытаскивал илбеком из большой чугунной чаши и резал на куски хан, заправленный таежным луком. Юрту переполнял запах свежего вареного мяса. Кипел бульон, а разговоры дяди и племянника становились все громче и веселей.

— Хариус, которого поймал Сотпа, шлепком боднул меня в лоб! Я двумя руками его схватил, а то он скатился бы обратно в воду.

— Шораан так быстро бегаёт по берегу, совсем как я. Я рыбу вытаскил, она извивается, рвется в речку, а он успел перехватить ее и удержал.

— Ты ее мне через голову кинул, она на берег шмякнулась, потом хотела удрать, но я услышал, как она на камнях бьется и сел на траву, караулить. Я же знаю, когда рыба извлекается в песке, то не сильно скользкая. Вот у меня и получилось! А потом ты дал мне удочку, и я просто замер — клюнет или нет? Вдруг что-то как дернуло — и я вытаскил огромную рыбину! Она меня тоже по лбу боднула, — в полном восторге рассказывал Шораан, за обе щеки уплетая горячий хан с салом.

...Ясное небо над рекой Чинге похоже на темно-синий шелк, усыпанный бусами. Пламя от старой листовенницы, с треском вылетающее из трубы, взвивалось все выше и выше, будто хотело отогнать стремительно надвигавшиеся сумерки.

Сотпа смотрел через дымовое отверстие юрты на сверкающие звезды и грустно думал о том, что Шораан не может увидеть всей этой красоты. И тут же мальчик перебил его печальные мысли.

— Слышите, сова подает голос на большой поляне! У-у-хук! У-у-хук! Ына-а! Ына-а!

— Ой, правда, как ребенок, плачет.

— Ну и слух у Шораана!

— Погоди, погоди, а на Ханы-Озене косуля кричит. Чего-то испугалась.

— Надо же, и правда косуля. Ханы-Озен там, что ли?

— Да, в той стороне.

— И правда косуля кричит, наверное, детеныша от совы защитить хочет. А может, летучей мыши испугалась. Такие далекие звуки, а Шораан слышит, у него чудо-слух, это точно, — поразился Сотпа.

— Все местечки вокруг аала имеют свои названия, шумы, свой облик. Шораан никогда не видел, такие это места,

но утренние и вечерние звуки помогают ему все различить и понять, — объяснил Багыр-оол.

— Он узнает местность по шуму. Это понятно, ведь речные звуки отличаются от лесных, степных и горных, — добавила Чакыйма.

С того дня Шораан больше не скучал в одиночестве. Часто помогал отцу пасти овец, и всегда в этих походах его сопровождал любимец — жеребенок с колокольчиком на шее.

«Первое дело для мужчины — это лошадь. Она для него, как крылья для орла», — шутил отец.

А мандолина действительно по-настоящему открыла Шораану мир музыки. Уходили понемногу грусть и печаль, поднималось настроение; появился и окреп интерес к жизни. Услышав от родителей народные мелодии, он через некоторое время уже свободно наигрывал их. Любовь мальчика к музыке радовала Багыр-оола и Чакыйму. Их страстное желание верить в благополучное будущее сына разгоняло пасмурную тьму лучами утреннего солнца, будила веру в самое главное на свете — в силу человеческого духа.

Время от времени приезжал Сотпа. Привозил, кроме разученных в школе русских песен, простенькие задачи по математике.

— К десяти гусям прилетели еще десять, сколько их стало, Шораан?

— Сколько всего рожек у двадцати пяти козлят?

— Половину бабок из сорока, которые принадлежали Таан-оолу, съела собака, сколько осталось?

Такие задачки Шораан решал сразу. А если хотел немного усложнить их, лукаво начинал менять и уточнять условия.

— А у этих козлов у всех рога, ни одного безрогого?

— Ну, допустим, у трех козлов рогов не было. А у остальных есть. А у одного козла вообще четыре рога. А теперь у моих пятнадцати козлов сколько рожек, Шораан?

— Двадцать шесть.

— Правильно!

Верное решение каждой новой задачки было новой радостью, каждое запомнившееся русское слово — открытием. С приездом Сотпа знания Шораана все прибавлялись, шаги его — пусть такие маленькие! — вели и вели вперед.

Сотпа оказался удивительно способным педагогом. Каждый новый урок он заканчивал новой мелодией. А Шораан слушал да запоминал, какое очередное знание с какой музыкой он выучил, усвоил.

«Ага, Сотпа научил меня делить цифры, когда пел песню «Пионерский марш». А с мамой я выучил мелодию «Дынгылдай» и запомнил по-русски слова «чистая вода», «светлая мечта», «длинная дорога», «дружба», — так вспоминал он иногда.

И эти воспоминания не давали ему унывать, идя с ним по жизни рука об руку, как самые верные друзья.

Перевод Г. Принцевой.

* * *

С деревьев сыплет золото дождём.
Виски мои покрыты серебром...
Дружище-пёс, чего от жизни ждем,
Вздыхая вместе пред лесным костром?

Гляди: закат пурпурно-бирюзов.
Ты слышишь горн из сумрачной глуши?
Трубит марал, и на призывный зов
К нему подруга верная спешит.

Всё ближе, ближе... Расступилась мгла.
Костёр, поляна... Чувствуешь азарт?
Добыча рядом с нами замерла —
Испуг и удивление в глазах.

Ружьишко — только руку протянуть...
Стрелять? — и оборвётся жизни нить...
Отпрянула. Исчезла... В добрый путь!
...Ну как тебе всё это объяснить?..

С тувинского перевод Александра Павлова.

* * *

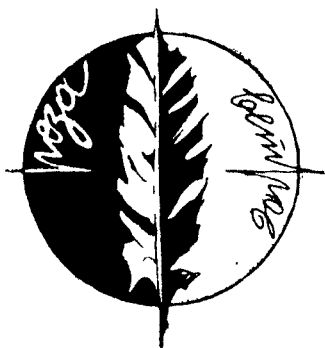
Трудяги-бобры смастерили мне плот.
На нём я к чужим берегам
Отправился в долгий и дальний поход,
Дав отдых усталым ногам.

Мне берег манящий совсем незнаком,
Что там ожидал я найти?
А море стелилось парным молоком,
И было мне грустно в пути.

— Куда я плыву на бобровом плоту? —
И кто-то ответил, любя:
«Наверно, свою догоняешь мечту,
А может, бежишь от себя...»

Видали вы где-то ещё чудака,
Который плывёт и плывёт?..
Со мной моя осень, но прочен пока
Бобрами сработанный плот.

С тувинского перевод *Александра Павлова*.

Представляем сегодняшних гостей журнала, молодых поэтов, объединившихся в творческую студию «Роза Ветров» при Союзе писателей РТ.

Руководитель студии

Эдуард М и ж и т.

САМИ О СЕБЕ

Нас объединила общая болезнь, которой в той или иной степени заражен каждый из нас. Болезнь, выражающаяся в почти маниакальном стремлении выплескивать все свои чувства и мысли на чистый листок бумаги, причем непременно столбиком и в худо-бедно зарифмованном виде. И хотя диагноз у всех одинаковый, но симптомы разные (справки прилагаются ниже). В силу этого каждый из нас дышит по-своему. Каждый в свою сторону. Отсюда — «Роза Ветров».

— Мы Арестов Алексей. Обо всем этом мы можем сказать:

Я не кривлю душой,
За... я большой.
И как средь них я оказался,
Я до сих пор не догадался.

— Меня зовут Гривина Светлана. Я не разделяю воззрений выше подписавшегося субъекта. «Роза Ветров» для меня — это возможность идти по собственному пути, повинаясь ветру своего вдохновения. Мои стихи мрачноваты, но сама я непробиваемая оптимистка. Верю, что если поэзия и не сможет спасти этот мир, то, по крайней мере, в силах коренным образом изменить его.

— Я заразился, будь здоров,
Я болен «Розою Ветров».
Меня трясет стихов озноб.
И бьет Пегас копытом в лоб.

*Кстати, забыл представиться: Роман Зражевский.
К тому ж поэт Железный Феликс,
От меня вам жгучий перец!*

— Я Галацевич Мария. Моя жизнь сама по себе напоминает розу ветров. Один из этих ветров — любовь к Слову. Отсюда неистребимая тяга к письму.

Светлана Гривина

Гривина Светлана Александровна. Студентка филологического факультета ТувГУ. Родилась и выросла в Туве. Училась в школе № 3. Моим классным руководителем была учительница литературы Галина Петровна Кольовская, которая влюбила меня в литературу. О своих увлечениях: люблю поэзию (любимые поэты: Ф. Г. Лорка, А. Тарковский, Н. Гумилев), интересуюсь философией, психологией. Люблю слушать современную рок-музыку. Любимые рок-группы: «Ария», «Алиса», «ДДТ», «Наутилус Помпилиус». Стихи пишу с 14 лет.

ХРАМЫ ВОЗНОСЯТСЯ

Храмы возносятся!

Это правители тщатся грехи «замолить»,
Расположить к себе небожителей,
Грязь на руках елеем залить.

Храмы возносятся

Силами люда,
На чьих-то слезах, нищете и смертях.
Я точно знаю — блага не будет
От храма, что строится на костях.

Храмы возносятся!

На колокольнях
Звон заглушает ворон хриплый грай.
На разоренных просторах бездольных
Смерть притомилась собирать урожай.

Гордо возносятся главы златые

Над горем людским, над войной, нищетой.
Только когда окрепнет Россия,
Храм построит народ — не фальшивый, святой.

* * *

Частая дробь копыт.
Хриплые возгласы ружей.
Лай надрывный звенит
И эхо рога глушит.
Идет охота на смерть —
Пищенку в грязном плаще.
Держат собаки след.
Ей не скрыться уже.
Дышит старухе в горб
Глоток охрипших смрад.
Рубище свора дерет.
Кожа и тряпки летят.
В шумной толпе егерей
С жутким азартом в лице
Топчет насилье людей
На вороном жеребце.
Стройные ноги коня
Брызгами крови блестят,
А у копыта видна
Светлых волос чых-то прядь.

ПОХОД ИГОРЯ

По дорогам Руси слышен топот копыт,
Тихо гнется со вздохом ковыль.
В ряды Игоря воинов каждый спешит,
Словно клич плывет в воздухе пыль.

Не в защиту отчизны, не в благо стране
В степи русские князи ушли,
Ради славы, богатства подняли клинки,
Многих людей на смерть обрekli.

Отгремели мечи, дождь кровавый иссяк,
Разошлись, не узнав, кто был прав.
Лишь потом долго ветер скулил в ковылях,
И роса слезой капала с трав.

* * *

Суровый лист холста
Чуть тронут желтизной:
Лучина разлила

Над платом свет скупой.
Трещат, хрустят огни,
Ночную тьму жуя,
А над холстом сидит,
Задумавшись, швея.
Черна тонка длинна
Ночная вьется нить.
В зрачок слепой окна
Стоглазый мрак глядит.
Блестит лучом игла,
Теплеет ткани лик,
Вселенная легла
Под пальцами швей.
Здесь травы и цветы,
В горячке небеса,
И в мареве жары
Колеблются леса.
Вдруг, руку уколов,
Отбросила шитье.
Слезинки на покров
Упали с щек ее.
Сбивает пыль с дорог
Плетью косыми дождь.
И молвил старый волхв:
«Я знал, что ты придешь.
Молитвы нивы жалкой,
Иссохшейся земли
Иглы блестящим жалом
До Макоши дошли».

* * *

Ненадолго затихли все чувства,
Значит, можно душе отдохнуть,
До секретов вселенной коснуться,
Отыскать вещи новую суть.
На чердак мирозданья пробраться
И порыться в его книжном хламе,
В пыльных тайных чуть-чуть покопаться
И притронуться к сказке руками.
А потом, пробудившись внезапно,
В суете мира, шуме и гаме,
Возвратиться мечтами обратно,
Этот мир обновляя стихами.

БЕЛЫЙ СТИХ

Под леса овчиной
Мир затаился,
Мышью притих.

Шелест минут
Боясь разбудить,
Ветер не дышит.

В темном слепом
Оке реки
В трауре тучи.

Это лишь креп
На лике небес
Всегда безучастном.

Сквозь тишины
Вязкий туман
Рвется плач Дива.

Это костяк
Мирозданья скрипит
Желтым суставом.

Это веревки
Трущихся нитей
Режущий визг.

Рвется, трещит
Времени ткань,
В клочья — века.

И обреченно
В бездну летят
Волокна минут...

Это — и вдоха
Последнего хрип,
Смерти шаги.

Воздуха в легких
Изношенных свист
Дряхлого мира.

Алексей Арестов

Арестов Алексей Семенович. Родился в 1978 году в Туве. Учился в школе № 15. Закончил физико-математический факультет ТувГУ. Стихи начал писать с 14 лет. Увлекается философией и поэзией. Любимые поэты: А. Блок, Т. Шевченко, В. Высоцкий и много других. Любит современную музыку. В настоящее время работает инженером лаборатории в ТГРЭ.

* * *

Я подбирал себе начало,
Искал заветное число.
Душа кляла: «Играй сначала»,
А разум отбирал зерно.

И в этой муке беспросветной
Я увидел тебя тогда.
Ты стала для меня заветной,
Моею песней навсегда.

И вот, в уставшем этом мире,
Я все молил тебя: «Постой!
Ты поиграй в моей квартире
С моей душой сейчас пустой».

Но ты ушла, ворота рая
Захлопнув твердою рукой,
Словно звезда, за миг сгорая,
Срываясь в бездну на покой.

* * *

Я жег песок в раскате грома,
Я плавил лед в сияньи дня,
И было так мне незнакомо
Блистанье Прометеева угля.

Я так любил тебя, святую.
Я душу правил, угли мял,
И знанием мира степь большую
В оковах горизонта раздвигал.

Но ты ушла, узнав беспечность,
Покинула моя печаль.
И плачет болью бесконечность
По капле горем в мой грааль.

* * *

Икона плачет — мироточит,
Душа заступника болит.
Пред богом за Россию просит,
Всем сердцем за нее горит.

А мы, глухие недоноски,
Плюем в распятого Христа,
И кутаясь в свои обноски,
Сдуваем золото стыда.

И все мы, слепотой объаты,
Продали дьяволу глаза.
Осталась в душах, как заплата,
Христова горькая слеза.

Глухие, нищие, слепые,
Ползем в «прекрасные» миры.
Гадает ангел на вершине:
«Зачем спасителю нужны?»

* * *

Проводите меня на лафете,
Отстреляйте по мухам из пушек.
И отправьте меня на ракете
В нездешних миров деревушки.

Я услышу грома неземные,
Но тебя все равно не забуду.
Ты, родная моя, ты, Россия!
Всех веков громогласных причуда.

* * *

Вот на листе тля.
Она не волнуется зря.

Она не боится в ночь,
Что ее унесет прочь.
Она не горюет о том,
Что разорвет дом.
Она не мечтает о том,
Чтоб не гремел гром.
Счастлива эта тля,
Что здесь не ЮГОСЛАВИЯ!

* * *

Осень в город пришла,
Посмотрев, засмеялась.
И на ветках она
Кистью солнца металась.

Мимо люди все шли,
Как безмолвные тени,
Не видали они
В ее красках веселья.

Лишь ребенок один
Любовался листвою,
Только он был един
С той искрящей красою.

* * *

В полете желтый лист кружится,
Звеня ребристою канвой.
На поле рожь к земле клонится,
Везде божественный покой.

А я с листа гляжу на солнце,
Оно блистает в вышине,
Лучами в лужах мне смеется,
Ему не тесно на земле.

* * *

Потихоньку собирал
Мысли в тонкую тетрадку,
С кучи букв слова слагал,
В душу вкладывал закладкой.

Не стремился к новизне,
Хоть в затертостях не рылся.
Оставаясь, как и все,
В струи серые не влился.

Год прошел, столетья миг
Прокрутился, как трещотка.
В душу влился новый лик,
Покачнулась моя лодка.

Я поднялся в высоту,
Воспарил над миром бранным
И поймал свою мечту,
Стал немного я «нетленным».

И судьба меня взяла
На ступеньку мироздания,
К богу душу подвела
Для страдания и скитанья.

Мария Галацевич

Галацевич Мария Павловна. Родилась в 1980 году в Кызыле. Закончила Кызылскую школу-гимназию № 5. Учитя в ТГУ на естественно-географическом факультете, мечтает стать детским психологом. Стихи пишет с 14 лет.

МГНОВЕНИЕ

Всего одно, одно мгновенье
Я не могу предать забвенью:
Твой взгляд нежданный. Только взгляд.
Пред ним вся жизнь — как маскарад.
Всего одно, одно мгновенье...
А дальше — знаки Провиденья,
Сомненья грех, Надежды свет:
Судьба твердит то «да», то «нет».

Но пусть она со мной играет
И, как волна челнок, бросает,
И чаша, что я пью до дна,
То ядом, то вином полна.
Ведь есть в душе одно Мгновенье —
Я не предам его забвенью:
В нем взгляд неожиданный. Только взгляд.
Пред ним вся жизнь — как маскарад.

УСТАЛОСТЬ

Утром — птичий звон:
Солнцу улыбнись!
— Это, может, клен:
Разве это жизнь?
Сердце теребя —
Песня о любви.
— То — не про тебя,
Душу не трави!
Не сгореть в огне!
Не покрыться льдом!
(Чайка в вышине
С раненым крылом).
Не указан путь —
Ветром унесет,
Будет что-нибудь —
Все равно уйдет.
Вечер... И опять
Время — как тюрьма.
— Трудно не устать,
Если в сердце — тьма...

* * *

Свобода, милая Свобода,
Ты незнакомка для меня!
Когда стояла я у входа
В Долину Жажды и Огня,
За пеленой своих стремлений
Не разглядела я тебя:
Ни синь небес, ни глубь забвенья,
Ни чайку в небе, ни себя.

НЕПОКОЙ

Я верю в то, что после смерти
Душа покой не обретет.
А вы, если хотите, верьте,
Что за чертою сон вас ждет.
Кто хочет спать?
Хватай подушки,
На всех достанет одеял!
Что значит вечность в спальне душной,
Коль битву на Земле проспал?..

ОСЕННИЙ ПАРК

Осенний парк... Здесь листья кружит ветер.
(Вот снова целый ворох унесло).
Поет он песню об ушедшем лете,
О том, что все прошло. Прошло, прошло...
Струна в симфонии слепого вихря
Звучит в душе с печалью в унисон,
Застыли ивы, тополя притихли,
И кажется порой: все это сон.
Куда несешь ты мой Корабль, Осень,
В какие еще дальние края?
Мне нужен лишь тот ряд знакомых сосен
И между ними черная земля.

МУГУР-АКСЫ

Да, я люблю село Мугур-Аксы!
Вам этого, быть может, не понять...
Мугур-Аксы!
Как молния грозы,
Что в тех горах могла я созерцать.
И если камень на сердце лежит,
Когда от дома слишком далеко,
Я вспоминаю, как ручей спешит,
Сливаясь с изумрудною рекой.
На дне его, в узорах тени ив,
Искрится бисер хрупкого песка
И ритм его в душе, как прежде, жив:
Дрожит струна, знакома и тонка.
Те скалы, где ютится барбарис

И где цветет холодная полынь,
Зовут взлететь в безоблачную высь,
Стрелой пронзить торжественную синь.
Со мною навсегда — Мугур-Аксы,
Туда я возвращаюсь вновь и вновь.
Мугур-Аксы...

Как капелька росы,
Что дарит миру солнце и любовь.

Роман Зразжевский

Зразжевский Роман Викторович. Родился в 1975 году в г. Кызыле. Образование средне-техническое, служил в армии, в данное время являюсь актером музыкально-драматического театра им. В. Кок-оола. Стихи пишу с 16 лет.

ОЧИЩЕНИЕ.

В зеркале не просто отраженье,
В зеркале лицо твоей души.
Ты видел жизни только лишь мгновенья,
А разум был во власти анаши.

Твой храм сгорел и время покатилося.
Туда, где дым скрывает все следы.
И зеркало души твоей разбилось,
Остались лишь осколки пустоты.

На звездном небе тайный знак искрится,
Из жизни ты уходишь навсегда,
Душа твоя как иней серебрится,
Твой путь уже открыт на небеса.

Оставь печали на дорогах звездных
И тайный знак тебе укажет путь.
Промчишься ты средь звезд-туннелей пестрых
И с этого пути уж не свернуть.

Будь осторожен, силы тьмы коварны
И знаком темным явится вдруг ночь.
Дым-призрак снова душу одурманит
И уведет тебя с твоей дороги прочь...

СМЕХ ГРОЗЫ

Люблю грозу в начале мая,
Когда бормочет пьяный гром.
Как шуганет из-под сарая,
Протянешь ноги колесом.

В лесу раздалось громко эхо,
Сидит пастух среди овец.
Вы не видали человека,
Которому пришел конец?

Из леса выбегают лужи,
Пастух до ниточки промок.
Он вел борьбу с весенней стужей,
Вот наконец костер разжег.

Из пепла поднималось пламя
И искры прыгали как снег,
А сверху сыпалась каналья,
На пастуха свалился смех.

Пастух напился до того,
Что пал не выпустив бутылки,
А дождь мочился на него
И Бог осыпал грязью липкой.

Все овцы баиньки упали
Вокруг костра, где их отец.
К утру проснутся уж едва-ли,
Видать им всем пришел конец...

Терплю тоску, не понимая,
Зачем гогочет грустный стих,
Зачем рубашку с плеч срывая
Бессмысленной главой поник.

Сергей Михайлин

Родился в г. Кызыле в 1973 году. Учился в кызыльских школах № 7, № 3, закончил Кок-Тейскую среднюю школу. Работал рабочим в рестинографии, бухгалтером в МТП № 9 «Азас», инкассатором в Нацбанке. В настоящее время работаю в газете «Центр Азии», осуществляя набор и верстку газеты на компьютере, пишу материалы в газету в рубрику «Преступление и наказание». Стихи пишу с 1992 года. Ранее не публиковался.

ПАМЯТИ В. С. ВЫСОЦКОГО

*Ты жизнь оставил жарким днем
Июля, в пекле лета,
Но песни мы твои споем
И сам ты их еще споешь.
Ты в них по-прежнему живешь
Песнь главная не спета.*

Он по жизни шагал по канату,
Шаг, наклон и не смог уцелеть.
Хладнокровный патологанатом
В этот день констатировал смерть.

Он дойдет, он дойдет уверяли
Лилипуты, разинувши рты,
Лишь прыжок не успел или два ли
Сделать он до заветной черты.

В этот день за пятьсот километров
Шире стала его колея
Грязь иссохла, на несколько метров
Покорежились чудом края.

Он держал путь по трудной дороге
К месту, где был проклятый канат
Шины вязли, усталые ноги
Отпустить от педалей был рад.

Нет его. И гитара уснула,
Звонко лопнула третья струна
Это слышали все. В карауле
Провожала его вся страна.

В этот день у дремучего леса
Взвыли волки, оскалив клыки.
И рыдали они возле места,
Где угрюмо алели флажки.

Их вожак был особенно тихим,
Непохожим в тот день на себя.
На охоту на серых и хищных
Не пошли в этот день егеря.

К удивлению псов пограничных,
Слуг нейтральной земли-полосы,
Цикл природы нарушив привычный,
В этот день увядали цветы.

Корабли затрубили печально,
Провожая большую волну,
И натужно ревел ветер шквальный
В такт хрипя, в подражанье ему.

Вдоль обрыва над пропастью страшной,
Вздернув гривы, заржали сильней
Его верные други-лошадки
Скакуны-иноходцы полей.

Мужики пили водку под песни,
Протопив баньку, паром дыша.
Горевали в тот день они вместе
Самокрутки смоля не спеша.

Две судьбы, недотроги-старухи
Бедолаге сплетали венок.
Даже черт не скрывал своей скуки,
В одиночку глотая вино.

Горы цепью шеренги сомкнули,
И вершина блеснула слезой.
В этот день все хребты тряханули
Вековечной своей стариной.

Белый слон брел по джунглям уныло,
Взгляд потупил и манго не ел,
В этот день как-то очень тоскливо
В бесконечное небо глядел.

Друг Австралии, маленький, верный
И ретивый охотник мангуст
В этот день в настроении был скверном
И гадюк не ловил, не был шустр.

Все, кому посвящал свои песни
По канату идти торопясь,
В этот день восскорбели вместе
Сиротливой слезы не стыдась.

Он ушел, поскользнувшись на взлете,
Всех поверг неожиданно в шок
И в свободном, открытом полете
Затяжной совершил свой прыжок.

Только роли и песни артиста
Перевесят года и века.
Свежим ветром над воздухом чистым
Их нести будут вдаль облака.

Нет тебя. Ты покинул Россию...
Нет, покинул ты грешный наш век.
Но будя в нас надежду и силу
По канату прошел Человек.

НЕПОХОЖЕСТЬ

На великих святых я, мой друг, не похож,
И звучит в моей рифме банальность.
Не снискать золотых кубков, лавров и что ж?
Мне совсем ни к чему популярность.
И слагаю-то мысли все чаще я «в стол»
Под разрывы души, сердца вздохи.
И ложится на лист несусветнейший вздор
Современника этой эпохи.

ЛУЧШИЕ ГОДЫ

Через лес, через пень на колоду
Трачу я свои лучшие годы,

И брожу по засохшим аллеям
Становясь понемногу взрослее.
Я отдал эти лучшие годы
На алтарь виртуальной свободы,
И дроблю я могучие плиты
Разбивая событий граниты.

Альберт Хомушкы

Родился в 1966 году в пос. Кызыл-Мажалык. В 1983 году закончил Кызыл-Мажалыкскую среднюю школу № 1, затем служил в армии, учился в Литературном институте им. А. М. Горького. В настоящее время является главным редактором газеты «Диалог-weekly».

ЭТЮД-ШТРИХ

В тот майский погожий день мне больше всего на свете не хотелось ехать на занятия, но словно заведенный механизм я спешил на вторую пару и успел заскочить в закрывающиеся двери троллейбуса. Он был как обычно в это время, полупустой, поэтому мое внимание сразу же привлекла девушка на заднем сидении. Как странно, подумал я, все едут в одну сторону, а Она в другую — сидела спиной ко всем, может это сама судьба когда-то повернула последние сиденья троллейбусов против движения чтобы однажды столкнуть нас на этом маленьком пятачке. Нет, она не из моей мечты, и не из моих сновидений, и прежде не встречал, и имени не знаю — это Ее поэты всех времен воспевали в балладах и поэмах, та, в которую с первого взгляда бесповоротно и безнадежно, как я, влюбляется вся мужская половина человечества. В этот момент я был готов поверить чему угодно — столь необыкновенна и броско ярко сидящая передо мной. В Ней все необычно и мило: прежде всего — брюнетка, а глаза сине-голубые, миндалевидной формы, оттянутые к вискам, но их цвет, этот синий взгляд — когда проезжали под железнодорожным мостом, в салоне на минутку потемнело — и тогда они сверкнули фиолетовыми огоньками. Я с тихим восторгом разглядывал Ее поразительно нежное, матово-белое лицо с очень явными на нем черными бровями и ресницами, к которым пристали крохотные крупинки туши, маняще полураскрытые, детски припухлые губы с еле заметным пушком над ними. Она сосредоточенно, не заметив, или делая вид, что не замечает моего откровенно-ошалелого рассматривания, смотрит в окно. От этого еще притягательней

Влекла всего меня к себе, и я снова глядел и глядел остановившимися глазами, непонятно отчего волнуясь на восхитительно-черные локоны, на темненький пушок над «перламутровыми» губами, на спокойное, задумчивое лицо, на чистой белизне которого так прелестно выделялись тонкие брови и ресницы, время от времени прикрывавшие на мгновение синий взор: Я украдкой постигал Ее всю, вбирая в себя все то непередаваемое в юном женском теле, вплоть до тонких щиколоток точёных ног, полнеющих к бедрам в мини-юбке и затянутых в чулки телесного цвета, сквозь которые лучи солнца, падающие на Нее золотят редкие волосинки на ногах. Я опомнился только, когда Она через несколько остановок встала и направилась к выходу, в моих глазах, вероятно, было столько сожаления, что Она, как мне показалось, слегка, чуть-чуть улыбнулась словно прощаясь. Троллейбус тронулся, стало неудобно, и я с щемящим чувством смотрел как Она, закинув на плечо изящную сумочку, пошла, грациозно вышагивая на своих длинных ногах, пока все увеличивавшееся расстояние и толпа прохожих не поглотили Ее приметный ярко-зеленый блейзер.

Чуть было не проехав, я сошел на своей остановке и с удивлением обнаружил, что до занятия еще четверть часа, а мне показалось — ехал целую вечность. Устроившись на скамейке во дворе, в том самом дворе, который в свое время усердно подметал сам Андрей Платонов, закурил и невпопад отвечая на приветствия и дежурное «Как дела?» и все время опасаясь, как бы кто не присел рядом и не замутил, не погасил тот необычный, ни с чем не сравнимый образ, что все еще стоял перед моими глазами: обворожительно-синий взгляд, взмах ресниц, притягательную наготу совершенных ног, которую не смог скрыть прозрачный нейлон, прощальную улыбку. Это отчетливое видение в течение дня возникало снова и снова, вместе с беспокойными вопросами: «Кто Она?», «Откуда?», «А вдруг замужем?». А наутро, втискиваясь со своим соседом по комнате в изрядно набитый троллейбус, я остолбенел, увидев на том же месте вчерашнюю Незнакомку. Сзади напирала общежитская братва, вплотную придвигая нас к Ней. У меня перехватило дыхание, когда я услышал, как мой товарищ запросто обратился к моей вчерашней загадке, спросил о каком-то, видимо, их общем знакомом. Когда на следующей остановке нас немного оттерли в сторону, я не вытерпел:

— Кто это? Ты с Ней знаком?

— А, блудливая кошка, фу, тебе нравится?! — помор-

щился он. — Первокурсница, с соседней общаги. Снимается со страшной силой, старик.

Теперь каждое утро мне больше всего на свете не хочется ехать на занятия, но словно некий автомат, я спешу, спешу к началу — скоро сессия, и мне нет дела что кто-то не закручинится о моей нечаянной любви даже во сне, тем более надоедливый тополиный пух беспардонно лезет в глаза. Как те беспардонные слова моего товарища, после которых...

Но как бы там ни было, мне хочется верить, что та «блудливая кошка» как охарактеризовал ее мой чересчур сведущий товарищ хотя бы на те несколько минут, в течение которых я с таким обожанием смотрел на нее, она была именно тем, кем я ее видел. Может она на самом деле такая, только никто ее, ту скрытую, не разглядел...

ПОКОЙ

Этюд

Я сижу на детской скамейке, уткнувшись взглядом в лужицу, оставшуюся после утренней поливки дорожек сквера. Мне не хотелось ни думать, ни двигаться, — в последнее время страдал изматывающей бессоницей, и как всегда, утром, наваливался сон. Голова гудела, окружающее виделось в голубоватой дымке; все возраставшая суэта большого города, торопливо проходившие мимо меня к автобусной остановке люди с выпавшимися и уже озабоченными лицами, не успевающие удивиться моей праздности среди всеобщей оживленности. Даже троллейбусы на ускорениях, казалось, подвывали бодро, в отличие от ночного, лениво — натруженного. А я смотрю на лужу и дико завидую ей: уютно устроилась она в бетонной выемке и не ведает что такое бессоница. И даже майскому солнцу за день не высушить эту лежебоку. Она ленится отражать небо, деревья, только поблескивает на солнечных лучах и время от времени самодовольно пошлепывает купающихся в ней хулиганистых воробьев. Мне бы тоже вот так же свободно распластаться и отдохнуть ото всего, забыть о том что было, что будет. Втечь в эту лужу — начиная с ног, и растекаться, растекаться, влиться в ее безмятежный покой. И может от невозможности такой метаморфозы во мне проснулось желание расплескать лужу за бордюр; на газон, на еще не стриженую траву. Но от нее веяло такое спокойствие и беззащитность, что мне стало стыдно за свой порыв, и я встал, пошел прочь.

Придя к себе, лег не раздеваясь и провалился в глубокий сон без сновидений.

Проснувшись к вечеру неотдохнувшим, увидел в окно пасмурное небо, то — ли прошел дождь, то — ли он еще продолжался. Как мне и не хотелось, нужно съездить в нашу столовую, пока не закрылась, взять у сокурсников кое-какие конспекты.

По пути я встретил «свою» лужу и не узнал. Она безобразно разлилась, куда-то текла, видимо, в сток, и мне пришлось ее обходить, чертыхаясь. Вот и олицетворение покоя. Движение, везде движение. И я сам, не замечая того, влился в этот поток.

Алексей Веригин

Родился, вырос и живу в Кызыле. В данное время являюсь свободным художником. Фотографии не прилагаю, поскольку не люблю, когда все сразу ясно и понятно, особенно в литературе.

ИЗ ЖИЗНИ БИТЛЗ

Перед моими глазами в раскаленном мареве дрожит задыхающаяся от пыли и жары степь. За последние дни она очень постарела: солнце иссушило лик, прочертило на коже новые борозды морщин.

Над моей головой колыхается чистый ярко-синий шелк неба. Лишь на горизонте по нему расползаются сизые кляксы туч. Этот скучноватый пейзаж да серая потрёпанная ветка акации — вот и все, что доступно моему взгляду. Я не могу повернуть голову, не могу даже отползти в редкую тень кустов с солнцепёка. Своего тела я давно уже не чувствую. То ли его парализовало, то ли оно решило зажечь по-новому и отправилось искать другую, более умную голову, оставив мне на прощанье неподвижную шею и онемевшие руки. Единственный плюс моего положения — то, что я, наконец-то могу вволю понаблюдать за небом и поразмышлять. Мне с детства не давали насладиться в полной мере двумя этими любимейшими занятиями. За мечтательность и задумчивую рассеянность часто попадало от покойных родителей. В чем-то они были правы. Наш мир коварен и жесток. Склонность

ко всякого рода мечтам, иллюзиям, глубокомысленным раздумьям здесь — безумная роскошь, за которую приходится расплачиваться изувеченными душой и телом, а то и жизнью. Видимо, так поплатился и я. Не знаю, что со мной произошло. Помню только пронесшуюся мимо огромную тень и сильнейший удар об окаменевшую землю, сотрясший все мое существо. Однако и этот жестокий урок прошел для меня даром. Находясь в такой безвыходной ситуации, умирающий, я все еще строю планы спасения, живу сказочными надеждами на чудесную помощь. Хотя, как раз, ее то ждать и неоткуда. Разве, что по цепи дороги, к которой я прикован, с ревом пронесется, не заметив меня, одинокий автомобиль или пролетит полудикая лошадь и приблизит неизбежную развязку...

Но что это?! Что это возникло в раскаленном воздухе прямо перед моими глазами? Какое непонятное волшебное и до боли реальное видение! Наверное, этот нездешний лик сгустился из неба и света. У него золотистая, отливающая бронзой кожа и такие же красивые длинные волосы. Глаза — две черные грозовые тучи, а рот — огромные лепестки березки-выюнка. Он не похож на меня и мне подобных, на наши черные, обугленные жестоким солнцем лица-головешки. Очевидно, это — бог. Да, бог. Он пришел спасти меня, воскресить для какой-то неизвестной, но, несомненно высокой и прекрасной миссии. Вот он протягивает мне древко своего огромного копьа, чтобы поднять к себе на ладонь. Я спасен! Как я мог разувериться в возможности чуда, сомневаться в своей тончайшей интуиции?! Он ждет. Надо идти. Вот оно — это мощное копьё и моя спасительная соломинка. Осталось только покрепче уцепиться за него руками... Поднимаюсь ввысь. Я снова могу двигаться и даже летать, чего раньше никогда не умел. Неведомая сила возродила меня... Что случилось? Земля снова тянет к себе, древко медленно опускается. Слышен шум удаляющихся шагов... А, может быть, это шипит травой и песком бродяга-смерч? Опять один. Наверное, этот фантом — лишь предсмертное видение, последняя злая шутка судьбы... На небе облака собираются в стадо. Скоро хлынет ливень и я утону. А моя голова еще долго будет плыть по ручейку-колее просёлочной дороги. Как глупо и смешно было мечтать о спасении. Кому нужен жук-чернотелка с его мелкими душонкой, жизнью и страстишками, от которого и осталась-то одна голова да передние лапы. Единственное, что не пожелала съесть птица.

Александр Феоктистов

Феоктистов Александр Степанович родился в г. Кызыле. Закончил Кызылское училище искусств. Учился в Художественном институте ЛВПУ им. Мухомовой в г. Ленинграде. Работал преподавателем в школе, главным художником Республиканского Муздрамтеатра им. Кок-оола, журналистом в газетах: «Вечерний Кызыл», «Тыва экспресс», «Вести».

СКАЗКА О ТЮРЕ

Давным давно это было, рассказывает бабка Чашпан, — вода бежала с гор и прорезала глубокие ущелья. И людям, чтобы добраться до воды приходилось ходить поднимаясь вверх-вниз.

И решил молодой охотник Тюр научиться летать как горные орлы, чтобы свободно парить над ущельями и тайгой.

Пошел он к шаману и сказал об этом.

— Дурак, — сказал ему шаман. — Только, я могу летать вместе с Аза куда хочешь. Ты же будешь всегда ходить по земле.

— Нет, сказал охотник Тюр, я буду летать!

Рассердился шаман и сказал:

— Посмотри на то, как пришиты к моему халату, ремни из кожи, как завязаны узлы мудрости на нем, как вышиты бисером и оленьим волосом изображения птиц и зверей. Разве ты можешь сделать такую красоту чтобы летать?!

Внимательно посмотрел Тюр на одеяние шамана и сказал

— Я буду летать!

— Червяк ползал и будет ползать. Куница прыгала и будет прыгать добывая свою пищу. Иди занимайся своим делом...

Так ответил вконец рассерженный шаман и начал громко стучать колотушкой в бубен приговаривая:

— Аза балда, аза болда!

Молодой охотник вышел из жилища, бросил принесенные шаману дары под порог, и пошел в свое стойбище.

Несколько зим охотник Тюр добывал хитрого зверя, чтобы нарезать тонких кожаных ремней. А, когда закончил охоту, и нарезал ремней, то кроме двух узлов не смог ничего

придумать. Понял он, что действительно не знает мудрости жизни. Идет он опечаленный с пустым бурдюком за водой и от злости пинает камни. Спустился к воде, видит: лежит придавленная камнями Змея. Понял, что в действительности, он еще дурак, что пинал камни, которые придавили ни в чем не виноватую Змею. Освободил ее. А Змея и говорит:

— Я знаю, Тюр, что ты хочешь знать. Пойдем со мной, я научу тебя завязывать узлы, которые дают мудрость жизни.

Поползла Змея в темный распадок, где собралось множество змей со всего ущелья.

Смотрит Тюр на змей и удивляется, как они так сплетаются. Глаза запомнить не могут. А Змея и говорит:

— Не смотри левым глазом влево, когда правый глаз смотрит вправо. Изучи сначала один узел, потом другой...

Сел на камень Тюр и стал развязывать змей руками, пока не научился.

Прибежал домой начал вязать узлы из ремней, те самые которые запомнил. Один узел большой в два пальца — прошло две зимы, четыре пальца — четыре зимы.

Вязал, вязал узлы Тюр, все события вокруг увязал в кипу тонких ремней. Прикрепил их к своему плащу, налюбоваться не может. Но, только когда попробовал надеть плащ на плечи, понял, что поднять его не может...

Расстроился Тюр от такой задачи. Пошел опять к Змее посоветоваться. Змея ему и говорит:

— Я же тебе говорила, не смотри левым глазом влево, когда правый глаз смотрит вправо. Разве можно все события на себя одного взвалить! Подели свой язык на 24 буквы, каждой букве завяжи свой узел. Хочешь чтобы память твоя была твердая — вставь в узел палочку. Хочешь, чтобы память твоя была мягкая — короткую палочку... Сколько людей мудрости не учи, они все только счета о своем богатстве записывают... И уползла.

Взялся Тюр вязать азбуку. Долго ли, коротко ли, освоил он нехитрую письменность. Взялся за вышивку оленьим волосом и бисером. Но, только не знает как делать это. Пошел опять к Змее за советом.

Она задумалась и отвечает:

— Посмотри на мою спину, какой узор идет темной полосой, а какой узор — светлой полосой... Если ты сумеешь это нарисовать, ты научишься отличать только черное от белого.

Но, есть еще одна истина для художника. Этой истине, можно научиться совсем в другой стране, там где живут Оле-

ни. Иди к ним, они тебя научат искусству бисера и вышивки оленьим волосом.

Пошел Тюр к Оленям. Рассказал им зачем пришел. Хорошо говорят Олени. Взяли кусок весеннего льда бросили его под ноги Тюру и сказали:

— Смотри как Солнце переливается на гранях прекрасного льда, хлопни в ладони, и они научатся держать в руках синие, желтые, красные лучи Солнца.

Хлопнул Тюр в ладони и понял какие цвета надо подбирать, чтобы плащ был летящим как солнечный луч. Но, вот как продеть в него волос?

Спрашивает Оленей, как это сделать. Взяли Олени серебристый волос, насыпали его на Землю, и спрашивают Тюра:

— Ты видишь олений волос?

— Нет,— отвечает Тюр.

— Ну, тогда иди обратно,— сказали Олени... и замолчали.

Приходит после долгого путешествия опечаленный Тюр домой и сразу к Змее, так и так говорит:

— Как можно волос увидеть?

А, Змея, пока Тюр путешествовал к Оленям три кожи успела сменить, улыбнулась она и говорит:

— Ну вот, наконец-то ты подошел к главному вопросу,

Волос на Земле, ты увидишь только от СВОЕГО ОЛЕНЯ!

Какая бы ночь не была темная!

Пошел Тюр домой, настриг волоса, дождался ночи, бросил на Землю...

С тех пор прошло много времени сказала бабка Чашпан и закурила трубку...

— Вот потому то, когда видишь над собой высоко в небе ястреба, знай, что это Тюр летает! Волос высматривает. Он так и говорит: «Тюр... тюр.» Наверно, не знает, что уже научился летать...

ПОДНИМИСЬ

Другу художнику

В протянутых ладонях стержень
жить увял
и тусклый со слезой молящий взгляд устал
о Май!
а, ведь ты великолепно так писал!
страшно бессилие такое
когда художник
так упал...

Сжимая в пальцах деньги как змею
я их донес в кармане
от стыда краснея
что я художник
как и он
принес ли в этот мир
надежду что
живу?!...

Но все же
кто-то есть во мне
кто голос разделяет
на МЯ и БУ
что птицей духа называют
Ба-
тьем шел в Москву
уверенным в себе

Чтоб покорить не силою
катапульта стену пробить
Кремля
но и духотелом
восхваляет Азии восторг
ТЕБЕ вперед смотрящий!

Что корни той Земли
настолько всемогущи
что поднимают
жить
Когда ты помнишь
битву с чередою
горьких поражений,
сиюминутных наслаждений
побеждать...
и быть ЕЕ
достойным воином
пера-меча
иль кисти

Что рядом с ханом
стремя в стремя
день и ночь
всегда
был Субедей
из нашего тувинского
седла...

Почему же
Я
из белых тофов
это понимаю
а ТЫ
тувинец Субдеи
забыл
иль не имел вообще
родства
с той гордой птицей
что зовется
ГРИФ

в ЗОЛОТЕ ВЕКОВ
ВСЕГДА!

Инна

Принцева

ПТИЦА ОДИНОЧЕСТВО

Эта птица хищницей не была
И у дома отбросов она не клевала.
Четкий, быстрый отблеск ее крыла —
Белизны последнего покрывала.

Будь она вороной,
Или певчим чижом, —
По иному бы крик ее раздавался.
Убегают тихая тень её
Холодней последнего покрывала.

Узким острым крылом разбивала боль
Жестким колющим клювом смерть разбивала
И стремительный, светлый полет её
Рвал последнее покрывало.

* * *

Из тополя
Из камня
Из песка
Любимый мой.
Исписанная школьницей — судьбой,
Его ладонь,

Она — гнездо для сердца,
Которому пора бы наутек.
Эй, птичка, кыш!
Ты явно загостилась.
Пора домой.
Вот глупое животное —
Пленилось,
И обжилось,
И шелестит листвою.

...В песчаном домике,
Под крышкой от кастрюльки
С песка сметаю пыль чужим хвостом.
Играя так и эдак,
Примеряюсь —
Вот тут —
Могила для домашней мыши,
Тут — куличи,
И свет горит до ночи.
Завешенной цветастым лоскутом...
Да только и в ночи песок без края,
По щиколотки в зное утопая,
Целую жажду пересохшим ртом.
Шершавый камень
Хрупкий серый дождь
Клюет с него,
Топорща тихо брызги.
Струится по прохладным темным жилам
Сияющая солнечная кровь...
А новички, ликуя на скаку,
Споткнувшись и содрав о камень кожу,
На ранку ловко лепят подорожник
И храбро улыбаются врагу.

* * *

Высокий дождь обрушился дворцом,
тумана глубиной холодных комнат
глаза сжигая солнечным кольцом.

Усталый сторож, серый от тревог,
хранил его колонны и обломки.
усталый сторож, серый от тревог,
лицо свое черновиком искомкал.

и сжёг его, не чувствуя тепла...
Зола у тощих ног его ложилась
и внутрь дождя потоками текла.

Усталый сторож, серый от тревог,
прозрачной тенью у порога лег.
Он слушал звон и всплески мокрых крыл—
в дожде взлетали из последних сил.

Лишь утром, на коленях, за порог
пополз усталый, серый от тревог.

Евгений Антуфьев

СВЕЧА

Я любил тебя столько лет.
Пережил с тобой столько зим.
И все ждал за окном рассвет.
И не знал, что мне делать с ним.

А любовь была горяча.
Душу жгла она, как огонь.
Только таяла, как свеча.
Капал воск на мою ладонь.

Постучались в окна года.
И во мрак погрузился век.
И блуждает во тьме судьба,
Словно в комнате человек.

МОСТ

Заляпаны машины грязью
На склоне мартовского дня.
И мост ажурною оказией
Остался позади меня.

Вновь грязь летит из-под колес
С надеждой на асфальт дорожный.
И мне тебя, уже всерьез.
Как мост объехать невозможно.

ОСВЯЩЕНИЕ

Освяти эту встречу
И дыханье свечи.
Эти смуглые плечи,
Эти звуки в ночи.

Вспыхнет крестик небесный
Серебром на груди.
Ты его в день воскресный
Наконец освяти.

Не прошу я иного.
Тьму рассеяв в пути,
Душу снова и снова
Ослепив — освяти.

ОПАЛЬНЫЙ ДЬЯВОЛ

Я прощаюсь с тобой.
Дышит холодом небо над нами.
Я прощаюсь с тобой
На осенней безликой версте.
Я прощаюсь с тобой,
Чтобы вновь повстречаться губами,
Если карта когда-нибудь
Выпадет нашей судьбе.

Этот маленький город.
Этот берег то левый, то правый.
И от полного вздора
Потеряны в мире слова.
Этот маленький город,
Вдруг ставший большой переправой,
От которой в тумане
Слетит на асфальт голова.

Бесконечная гонка.
От молвы и пустых разговоров.
Дождь осенний затмил.
За стеклом ничего не пойму.
Жму на газ и лечу,
Под ночное рычанье мотора,
Словно дьявол опальный,
Свечой рассекающий тьму.

ЧЕРНАЯ КОШКА

Дачный сезон на крутом вираже.
Желтые листья на мокром асфальте.
Но не вернуться назад вам уже,
Хоть до упора педаль выжимайте.

Глупая гонка. Напрасный рывок.
А ведь казалось, еще бы немного.
Черная кошка, как черный стежок,
Вам не случайно прошила дорогу,

Вы не вписались в небес поворот,
В дымке растаяли дачные дали,
Черная кошка сидит у ворот,
Всеми забытая, в тихой печали.

СНАЙПЕР

Я стреляю с дистанции дальней,
Прикипев к окуляру прицела.
Бью по точкам совсем не случайным,
И представь, совершенно умело.

В догорающем свете заката
Ты еще и не знаешь, наверно,
Что с дистанции дальней расплата,
До тебя долетит непременно.

Долетит. И душа занеможет.
И не выглянет солнце из мрака.
Оглянется случайный прохожий,
Да залает ночная собака.

КРЕСТ

Меня любила ты.
И я тебя убил.
За то, что сам
Без памяти любил.

Теперь молюсь
Безликой пустоте.
Любовь всегда
Распята на кресте.

Прицел и крест
Нетрудно совместить.
Нажать курок
И обо всем забыть.

ДЛИНА ОКРУЖНОСТИ

Лечу по кругу
Проклинаю круг:
Куда ни кинь
Лишь два пи эр,
Как крюк.

А на крюке
Качается вина.
И вновь лечу я,
Словно сатана.

НОЛЬ

А ты живешь в фантазиях моих,
Не зная даже, что ты ноль без них.

БЕДА

Я сам накликать беду.
Не знаю только зачем...
Теперь с бедою живу
И хлеб ее черствый ем.

Беда не спит по ночам.
И курит мрачно со мной.
Я хлеб разломлю пополам
И молча запью водой.

Я сам ей дверь отворю.
И дверь захлопну скорей.

Потом, вздохнув, закурю.
И в зеркале встречу с ней...

*Николай
Кулар*

* * *

Дождь хлещет с утренней зари,
И так весь день. Вон суслик бедный, —
И тот из залитой норы
Стремглав бежит под куст соседний.

Мы с ней знакомы столь едва,
Что даже имя — словно птичье
Перо в руках. Ее слова —
«В шесть» — мокнут в луже безразлично.

О, запоздалые дожди
На склоне лета! За какие
Грехи вас на моем пути
Воздвигли Курбусту благие?

Не весело, хоть в глубине
Души, я все свалил на ливень,
Но молниєю небо криво
Мигнуло — свет ее во мне

Померк, раздался треск и гул,
И град посыпался шрапнелью.
И желтый суслик сиганул
В спасительное подземелье.

КИНО ВОСПОМИНАНИЙ

В однообразной веренице будней
есть редкие, особенные дни, —

дни горя и любви, дни счастья и печали,
искристые и солнечные капли,
в песок полудня, жадный и горячий,
беззвучно опускаются они.

Предательница маленькая, юность
сочувственно и нежно улыбнулась,
ушла. Друзья давно бредут по свету,
да и моей тропинке края нету, —
но, может, там, вдали судьба сведет?

Пора воспоминаний. Ярких капель.
в песок ушедших, жадный и горячий.
Я — тихий зритель хроник бытия.
На фоне леса, октябрём укрытого,
на фоне быта, серого, забытого,
проходит жизнь — моя и не моя.

Я сяду смиренно — руки на коленях,
дождусь в молчании благовейном
мелькания цветных и черно-белых
чудесных кадров невозратных лет.
Идет кино моих воспоминаний.
И память, негодуя, наслаждаясь,
заставит возвратиться в тихий лес
и комнатку без света и уюта,
а кадры будут ярки и смутны —
до неизбежно-краткого «Конец».

Сполна врагов, влечений и презренья,
сполна у жизни суток и мгновений,
сполна восходов, суши и дождей...
Но в беспросветной веренице будней
есть редкие, особенные дни.
Дни горя и любви, дни счастья и печали —
искристые и солнечные капли
в песок полудня, жаркий и горячий
беззвучно опускаются они.

Мгновением на полотне экрана —
лицо мое в чужих воспоминаньях.

Перевод *И. Принцевой.*

* * *

Хмурое небо —
лик вдовы
забывшей счастливо улыбаться.

* * *

На рассвете
скатилась росинка с травы.
Вздвогнув, проснулась степь.

* * *

Семеро одного не ждут...
Они ушли, не дождавшись
ушедшего вперед,
узнавшего истинный путь.

Эдуард Мижит

Из цикла «ОЖИВШЕЕ ВРЕМЯ»

ЗАГОВОР—1

Скоро, уже совсем скоро! Недолго осталось нам ждать! Скоро наступит конец бесстрастному нашему ожиданию, ожиданию полному подспудных, как в муравейнике, трудов и лабиринтов. Лабиринтов, где мы храним ваше время, все, до последнего мгновения, выпавшего из вашей дырявой памяти и закотившегося в щели забвения. Да, мы не теряем времени даром в отличие от вас, беспечных и опустошенных. Да, теперь мы можем сказать: «Вы безнадежно утратили мир, дарованный вам, упустили все шансы, растранили золото своих секунд. И скоро грянет он, и сверкнет бесконечный миг нашего торжества!» Мы вывалим на вас все ваши мысли и страхи, все гримасы и словечки, тщательно утаиваемые вами друг от друга, все непотребства ваши и мириадоликих монстров, вобравших в себя все ваши лики и позы — вы не считали нужным скрывать их от нас. Мы вытряхнем на вас все, что вы сбрасывали в нас, как в мусорные ящики. Да, мы терпеливо собирали, запоминали, усваивали, сохраняли и даже приумножали все это для вас. И не пожнете вы до скончания времени все то, что посеяли вы на наших призрачных (на ваше призрачное мнение) полях от начала времен, ибо все посеянное вами, цветет здесь пышным цветом

и сулит урожай, о каком и не мыслил ни один сеятель ваших полей. С хорошим урожаем вас всех!

И хлынет весь этот урожай в тот самый миг, когда мы, зеркала всего мира, разобьемся все разом, ослепляя вас невиданным фейерверком осколков, волчьими клыками вонзающихся в ваши тела и души, хлынет и захлестнет вас чудовищными волнами, вал за валом заполняя собою ваш мир и будете захлебываться, и утонете в этом великолепном урожае своих нечистот, и станете пугливо блуждать безумные по безжалостным лабиринтам взвихренного времени, преследуемые своими жуткими порождениями, пожирающими ваши кости и внутренности, вашу надежду и веру, ваши сердца и души, покуда не останутся от вас лишь беспрестанно вздыхающие тени. Но не будет ни ответа, ни даже слабого эха ваших вздохам, взывающим к чему-то давным-давно позабытому. И только кровью, вытекающей из ваших израненных тел и слов, окрасится напоследок закат вашего мира. Скоро, совсем уже скоро!..

ЗАГОВОР—2

Вы помните тот момент, когда впервые на вашем запястье оказались часы? Быть может вы купили их сами, а может вам их подарили. Помните, как красиво они смотрелись на вашей руке, придавая вам значительности, помните, как нравилось вам подносить их к уху и вслушиваться в четкий ритм потаенной работы крохотных колесиков, помните, как мило они тикали, ненавязчиво напоминая вам, что прошло то время, когда времени для вас не существовало, что вы уже вполне взрослый человек, полный дел и забот? Впрочем, не важно, помните ли вы это — вы много чего не помните... и не понимаете. Не понимаете, что с того самого момента вы в наших руках-стрелках, в неотменимой власти нашего тикающего ритма. Не понимаете этого, когда нетерпеливо смотрите на нас, яростно желая ускорить наше неспешное, монотонное тиканье. Вам кажется, что все эти тикающие устройства просто отсчитывают время и так будет вечно. Вас обманывает бесконечный бег всех этих стрелок по кругу. Вам и невдомек, что этот бег — всего лишь деталька нашего заговора, маленькая хитрость, призванная усыпить нашу бдительность. Не понимаете этого даже тогда, когда с ужасом замечаете, что на самом деле мы тикаем чересчур торопливо, какой-то небрежной равнодушной скороговоркой. Не понимаете этого даже в те мгновения пробуждения, мгновения,

подобно вспышкам молнии озаряющие вас смутной, еле уловимой догадкой, мгновения, когда вы слышите, как грозно тикают в тишине ваши настенные часы, как безжалостно перетирают время жернова их шестеренок, как неумолимо, словно мечом, отрубают стрелки пустые головы мгновений. Ваших пустых мгновений. Пустых, оттого и преступных. Но вы не понимаете и поэтому тут же мгновенно засыпаете, приняв свое пробуждение за бред, за наваждение, за невесть что. И вы не успеете даже проснуться, когда на несколько мгновений умолкнут все часы на свете, не успеете в судорожной тревоге прислушаться к новой, неведомой тишине, вслушаться в мир без привычного, убаюкивающего тиканья. Вы не успеете понять, что мы отсчитывали не просто время, ваше уютное время, а время приведения исполнение... бомбы с часовым механизмом. Вы ничего не успеете понять, как в следующий, такой невыносимый миг раздастся взрыв... и треск разбивающихся зеркал. И будет поздно... Эй, вы, вы слышите нас?.. нет, не слышат... они никогда ничего не слышат... Уже поздно, все кончено.

Но только не для тех счастливых созданий, для которых времени не существует... может быть...

СТАРИК

«Мне холодно. Мне страшно. Страшно и тоскливо. Не оставляйте меня, я хочу жить. Не отворачивайтесь от меня так поспешно и брезгливо, ведь я не так уж и плох. Не смейтесь надо мной, хоть я с виду слегка безобразен. Ведь я любил вас так, как, может быть, никто никогда не любил и уже не полюбит. Ведь и я строил и творил, да еще как! Да, я и разрушал много, быть может, чуть больше, чем следовало, но разве можно строить, не разрушая...» — кричит старик, захлебываясь в потоках крови и судорожно цепляясь скрюченными от привычки хватать за горло пальцами за одежды уходящих. Лица его не видно, только руки беспомощно тянутся из груди, нет, из огромных неоглядных холмов мертвых, разлагающихся тел.

Может, кто-то и сжалится над ним и вытащит бедолагу из-под трупов, взвалит себе на спину и понесет его, без конца повторяя в сердце своем: «Ведь все-таки этот столетний старец, дни которого уже сочтены — наш двадцатый век, пусть и самый страшный, и самый кровавый, но век, в котором почти все мы рождались и рождали, любили и надеялись, любили и творили, любили и погибали, любили и убивали...» У будет тащить он его, не видя, как две кровавые бороды

два следа от волочащихся ног старика протянутся от наших дней к грядущим, два русла будущих рек, требующих все новых и новых потоков крови. Русла, где смешиваются кровь старого века и кровь нового века, как смешиваются в жилах людей кровь упадка и кровь рождения, кровь греховная и кровь невинная... А он будет идти и твердить: «Да, погибали, но, ведь, не все погибли, да, убивали, но, ведь, и любили...»

Да, и любили... А как же иначе в этом веке можно было выжить?!

ЗА МОТЫЛЬКОМ

Я никогда не оставляю вас в покое! Даже отвернувшись от меня, вы будете чувствовать затылком холод моего взыскающего взора, как холод пистолетного дула. И этот холод сильнее всякого пламени будет притягивать мотыльков, пребывающих в коконах ваших невнятных тревог и надежд. Я твердо знаю это, ведь и сам я стал тем, чем являюсь теперь, пустившись в погоню за своим мотыльком. Я так же знаю, чего я искал, хоть и не мог никогда выразить это словами. Но я так же хотел уйти от вас и от бессильного звона пустых слов. Я так долго шел, следя за полетом своего мотылька, что растерял все привычные слова, но так и не нашел новых. Я шел до тех пор, пока не узрел перед собой то, названия чему еще не придумал, то в чем в один миг сгорел мой мотылек. Только слова «бездна» из нашего привычного языка, слово стершееся до гладкости речной гальки, худо-бедно может обозначить то, что я увидел. Увидел и застыл на месте, не в силах оторвать от него замороженного взора, и чувствуя, как немеют мои уста, как каменеет все мое существо. Годы и ветры окончательно изменили мой облик, и теперь я — большой плоский камень, изрытый морщинами трещин от молний своих прозрений. Если б вы знали как здесь невыносимо... смертельно трудно сердцу... Да, только сердце мое, до крови стертые ветрами и обожженное молниями, мучительно бьется под потрескавшимися ребрами. Бьется и тянет к вам, к вам, от которых я так долго и упорно убегал. И я ползу, пусть тяжело и медленно, но ползу, не в силах совсем отказаться от покинутого мира. И я доползу, и тогда живет среди вас мое тело. И тогда я найду слова, чтобы подобрать название тому, что я притащил за собой, пока полз, поскольку это настолько со мною срослось, что стало частью моего существа. Или я его частью... Но вы и сами увидите это и поймете, чем я стал... Да, я камень на краю, я и есть тот самый край бездны, никогда не оставляющий вас в покое.

ОСЕННИЙ ЭТЮД

Холодный порывистый ветер, поскуливая как голодный озлобленный пес, метался по серому промозглому пустырю с одиноким тополем на краю, пригибая к земле редкие пучки порыжевшей травы, взъерошивая волосы двух малышей, идущих по утоптанной тропинке, и распахивая полы темного плаща мужчины, стоящего под тополем. С трясущихся веток тополя то и дело срывались и, тяжело планируя, падали и падали желтые листья. А мужчина все стоял и смотрел на детей, бесприютно уткнув подбородок в поднятый воротник. Он стоял и смотрел, как они появились с той стороны дорожной насыпи в одном конце пустыря; как поспешно перебежали дорогу, крепко держась за руки; как топали по тропинке, зябко втянув головы в поднятые крошечные плечи и о чем-то негромко переговариваясь между собой. Он стоял и смотрел, как понемножку начал отставать тот, что помладше. Ему было два года, от силы три, и ноги его еще нетвердо ступали по земле. А тот, что постарше, мальчик лет пяти или шести, все шел и шел, что-то рассказывая и не замечая, что братишка не поспевает за ним. Младшему ничего не оставалось, кроме как окликнуть его. И брат встрепенулся, как внезапно проснувшийся ото сна, оглянулся и улыбнулся. «Ну, беги скорей!» — позвал он и сел на корточки спиной к бегущему братцу. А тот с разбега прыгнул на тщедушную спину брата и, счастливо смеясь, привычно и ловко угнезвился там. А старший, также привычно подхватив его под колени, встал и зашагал уже бодрее, от чего-то вдруг повеселев. А когда они поравнялись с человеком, так ни разу и не шелохнувшись, стоявшим на прежнем месте, ему было видно, что младший уже засыпает, уютно притулившись к брату. И даже резким порывам ветра не под силу было ни спугнуть его сон, ни вырвать и развеять хотя бы каплю из того крохотного комочка тепла, окутывающего эту пару невидимым коконом. А мужчина вся стоял и смотрел им вслед, пока они не скрылись за мосточком на другом конце пустыря. А ветер, то ли вымещая свою злобу на нем, то ли просто издеваясь над ним, яростно трепал полы его плаща, из-за чего порою он напоминал большую неуклюжую птицу, тщетно пытающуюся взлететь. И почему-то было пронзительно ясно, что некого и нечего ему понести на спине, кроме облепивших его мокрых листьев, что и прислониться он может только к

этому безжалостному ветру, что никогда не взлететь этой птице, да и некуда ему лететь.

Хорошо, хоть на какое-то время перестал накрапывать и сеять тоску этот бесконечный серый дождь.

И з ц и к л а « Н Е К Т О »

ТАК ГОВОРИЛ...

Мало таких, кто так откровенно говорил о себе. Не щадя себя, он рассказывал о своих надеждах и мечтах, ошибках и падениях, догадках и прозрениях, о своих низостях и взлетах своего воображения. Он говорил так просто и доверительно, как иногда люди гостеприимно впускают в дом совсем незнакомых людей. Слушая его, они иногда принимались то спорить с ним, то, перебив его, рассказывать о себе, то утешать и подбадривать его. И оказалось, что каждого из них мучают такие же вопросы и сомнения, и такие же жизненные передрыги и внутренние противоречия загнали их в тупик. Оказалось, что некоторые из них даже махнули на себя рукой. Но, если каждый из них был в своем и только своем тупике, то он невообразимым образом был во всех этих тупиках сразу. И они видели, что все их затруднения и мучения — совершенные пустяки по сравнению с той бездной, на краю которой пребывал их собеседник. Они видели, что на самом деле они не так безнадежны, что они лучше и выше, чем им до сих пор казалось. Так бывает после некоторых странных снов, когда люди видят себя какими-то уродами или монстрами, совершающими такие ужасные злодеяния, о которых наяву и помыслить не могли. Так вот, они чувствовали себя точно так же, как человек, пробудившийся от такого кошмара и удивленно отмечающий, что с ним все в порядке, а это был всего лишь глупый сон.

После того, как он ушел, поблагодарив их за сочувствие и добрые советы, они еще некоторое время сидели в неловкой тишине. И никто из них не знал, толкнули ли они его, падающего или, наоборот, удержали... Вдруг кто-то из них смущенно кашлянул и оторопело оглядел остальных.

— Слушайте, а ведь он говорил не о себе...

— Как так?..

— Вспомните весь разговор, он же говорил нам о нас самих.

— Не может быть. Ведь он так говорил...

— Да, о падении он говорил как упавший, и к тому же зачем ему лгать?

Также внезапно наступила тишина. Словно перед ними упала граната, но не взорвалась. Но все видят, что чека уже выдернута, что вот-вот...

— А ведь он, на самом деле, о себе ничего не сказал.

— Да, ни словечка...

*Кондратий
Емельянов*

ДУША

Ударил гонг в цветном великолепии,
и мир раскрылся лотосом в груди.
И нет прощенья песне раболепия,
и нет исхода в вечности пути.

Пришла живая ясность созерцанья
своей судьбы, блестящей, как форель,
плывущей сквозь потоки мирозданья
свободно, не воспринимая цель.

В единое слилось: мечта и совесть,
большие горы, тело и любовь.
Моя душа, ты продолжаешь поиск.
Моя Тува любит тебя тобой.

НЕВЕСТЫ

Осенний паводок. Опять прошли дожди.
Умыли тополя, дома, березы.
Мой город, ты собою дорожи.
Еще придут кызылские морозы.

Какая глубина у синевы.
И облака, как белые невесты,

плывут и уплывают. И на вы
со мною говорят. Года — известно.

Я радуюсь небесной высоте
невест, одетых в белое, — красиво.
Чуть траурно. Но в этой чистоте
и строгости мне видится Россия!

Кызыл, тебя не упрекаю в том,
что от мечты мы вместе ждем ответа,
что вскормлены единым молоком.
Твоя судьба Россией обогрета!

ГОРОД ГРЕЗ

В. П. Шулъге

Нам не дано потрогать темноту,
услышать радугу, поцеловать рассвет.
Как жабрами вдыхаем немоту
того, что было и того, что нет.

Мы впитываем чувственные блики
полутонов, которых не понять.
Эмоции нас заполняют криком.
И этот крик мы отправляем вспять.

Живописуя, можно ль осознать
дыхание, слова пустой квартиры?
Когда себя другим не рассказать, —
друзья тебя заранее простили!

Все судьбоносно! Абсолютно все!
Мы — странники, изученные миром:
опять выходит на балкон Ассоль,
на мотоцикле Грей пронесся мимо.

И величавый гулкий Енисей
Офелии, смеясь, умоет слезы.
Встречает город Гамлета рассвет.
И воздух утомят шальные осы...

Рисуя мир, мы извлекаем сок
сомнений, и восторга, и терзаний.
Рука ведома кистью, и висок
пульсирует от объяснений тайны.

Рожденные ночью часто слышат музыку Неба.
 Еще они понимают мигание звезд, как рассказ
 о состоянии сердца, уже устремленного к Богу,
 о настроении Бога, встречающего в объятья
 нежные души женщин и светлые души детей.
 В мерцающем Оке Вселенной отражена потеря, —
 мы были в Его ладонях, младенцы помнят об этом.
 Они привыкают к людям, но часто плачут о Небе.

Она родилась ночью, в тихом таежном местечке.
 Слово «Шуй», как шепот, вторили две реки,
 баюкая колыбельку. Но девочка все рыдала.
 И непонятной обиды унять никак не могли.
 Мама звала шаманов. Они упорно камлали.
 Отец приглашал монахов. Ламы читали молитвы.
 Все жалели ребенка, боялись опасной болезни.
 Переживали соседи, думали, что умрет.

А девочка просто пела! Пела свою обиду, —
 так хорошо было в Небе купаться в звездных лучах.
 Любовь матерей Земная, но часто близка к Небесной.
 Рыдающее сердце рождает большую любовь.
 Ласковой колыбельной вымаливалось прощение.
 Все бессонные ночи сплетали один мотив.
 Сладко заснула дочка, маленьким сердцем признала
 в голосе материнском тихую музыку звезд.

Годы уносят детство и обнажают душу,
 если она тревожно чувствует пульс Вселенной.
 Песня любви народной к славной памяти предков
 соединяет с Небом. Этот голос от Бога.

* * *

Ты — словно размышления осколок
 в порезанной ладони, — впрочем зря.
 Ты знаешь, сколько разных недомолвок
 подарит нам январская заря.

Не радуйся и не любуйся прошлым,
 мечту — любовь качая на руках.
 Пришли снега. Пора ветров, пороши,
 уж Рождество искрится на слезах.

Рождение души, перерожденье, —
из куколки взлетает мотылек.
Какая жизнь! — сплошное наважденье.
Такая жизнь, — что путь наш недалек!

Отчаянное сердце бьет тревогу, —
Крещенские ударят холода.
Мы выдержим разлуку и дорогу,
ведомые неведомо куда.

Ведь все проходит. Все проходит мимо
и рядом, — от креста до алтаря.
Осталась и останешься любимой
и чистой, как январская заря.

ЧАС БЫКА

Страх смерти обожжет тебя при жизни.
Целуя свет луны, забвения ты ищешь.
Но истекая соком по стволу,
питая мимолетное цветенье,
ты падаешь и падаешь во тьму,
до дна безумия — до света озаренья.
Протяжная натянутая нить
порвется и исторгнет сожаленье.
Так жаждущий надрывно просит пить,
но напоить — не одарить прощеньем...
И дыбой встанет крест в моей груди.

ЛЕЛЬ

Краснеют щеки девушки от взоров,
желавших исполнения мечты.
Растает лед раскидистых узоров,
и солнцем вспыхнут первые цветы.

Наполнилась природы теплотою,
так чаша наполняется вином;
мгновение, — и талою волною
за чащу унесен ее веноч...

И новая душа придет на Землю
и вскроет пласт языческих времен.
Судьба произрастет могучим стеблем
и даст ростки народов и племен.

Из шелкового ужаса кошмаров
и душащих объятий темноты
взлетает чувство — солнечно-кровоаво,
срывая цвет мерцающей звезды.

Напевный Лель, Снегурочка бесценна
невинностью и кротостью своей.
Проходит жизнь наивной грустной сценой.
Живи и пой. И жизни не жалеи...
Весна придет, когда созреет Солнце!

Сергей
Олзей-оол

Мы часто время погоняем,
Рискуя просто жизнь прожить,
Порой совсем не понимая,
Что нужно мигом дорожить.

А воздух влажен, вечер длинный,
Окно и стол, свеча, диван...
А в небе стает журавлиной
Курлычет стройный караван.

Быть может там в дали далекой
Осталась та моя судьба,
Из глаз девчонки синеокой
Разбилась на кусочки льда.

Да, нет, не каждому дано
Судьбу, звезду свою найти,
Однако всем нам суждено
Через добро и зло пройти.

* * *

Уходя, мы забываем часто
Из-за ложной гордости своей
Оглянуться на бывшее счастье
И проститься чуточку теплей.

А понять, простить уже не можем,
Проверяем чувства вновь и вновь,
Но вернуть на время невозможно
Сердцем позабытую любовь.

Отзвучали прерванные звуки
Музыки тех радостных минут,
Я надеюсь все же чьи-то руки
Нежную мелодию вернут.

Как весны дыханием согретым,
На деревьях почки прорастут,
На черемухе, на той же, белым светом
Сломанные ветки зацветут.

* * *

Золотистых листьев стайку носит
По двору веселый ветерок,
А душа неуспокоенная просит
Новых неизведанных дорог.

Где найти ту истину, что ищем,
И какой на это нужен срок,
Как понять, что лишне, что не лишне,
И что в жизни главное не смог...

Или время будущее скажет,
Что и как, и где искать тебе.
Кажется ответ мне этот важный
Нужно поискать в самом себе.

Может также предок мой когда-то,
Чуть привстав на медных стременах,
Вглядываясь в даль степи куда-то,
Думал о грядущих временах.

* * *

В тиши ковыльной, в сумерках вечерних,
Когда душа моя была пуста,

В степи набрел однажды я на череп,
Белевший конским лбом из-под куста.

Давным-давно тебя Чингиза темник
Поймал с трудом на свистнувший аркан.
С огромной алчной жаждой в злое время
Он добывал богатства дальних стран.

В кипящей буре жизненных лишений
Мы поклонились прошлому тому...
В полях чужих, в измученных сраженьях
Ты седока носил в огне, в дыму.

В пыли дорог в дозоре караванном
Под скрип телег, невольниц жалкий плач,
Роня пену с губ в узле чеканной,
Топтал засохший старый карагач.

Быть может здесь когда-то в схватке страшной
Клинки звенели, — стон из-под копыт...
Теперь напомнив жуткий день вчерашний,
Эпоха белой костью здесь лежит.

Анатолий Быков

АКРОСТИХ

...Тает в бочке, словно соль звезда...
(Осип Мандельштам).

До рассвета тускло блещет
Речка лунным серебром.
Мириадам глаз трепещет
Фартук леса за бугром.

Солью ссору предвещая,
Ляжет тихо у воды
Силует ночной звезды.

«ВРЕМЯ СОВ»

*Памяти
Александра Вашилачева*

Умирают последние блики
На поверхности долгого дня.
Тени прошлого темны и дики,
Подступают, в глубины маня.

Время сов поднимает забрало,
Вой звериный чудится в ночи:
Сна бескрылых потомков Дедала
Мутноглазые ждут палачи.

От данайских спиртовых даров,
От русалочьих стонов немеешь,
От того, что спасти не сумеешь
Ни один из возможных миров.

Чёрный клин вышибается клином, —
Время песен к концу подошло...
Подоконник свернулся трамплином,
Пальцы жадным окурком прижгло.

Оттолкнись от судьбы заунывной,
От безрадостных, ветреных дней,
От безадресной доли крапивной
В темноте расцветающих пней, —

Не открыть потухающим взором
Мироздания чудесный замок.
...И свивается странным узором
Сигареты

последней
дымок...

* * *

Я в парк вхожу — по имени Гастелло,
Давно прожит тот день, но помнит тело
Крутой вираж, последних мыслей чудо...
— «Да брось, не возвращаются оттуда!»

Я в парк вхожу по имени Гастелло,
Всё так же молод. Как когда-то пело,
Смеялось сердце юное в груди
И всё, казалось, будет впереди.

Я в парк вхожу по имени Гастелло,
Над ним война лишь тенью пролетела,
Быть может, мой последний, главный бой
Когда-то заслонил его собой.

Я в парк вхожу по имени Гастелло.
Какой здесь май! Черёмуха вскипела,
Длиною в жизнь — тропинка у воды,
Ни возгласа, ни крика, ни беды.

Лицом касаюсь ветки обгорелой
Смеёшься — «стариковская причуда!»
...Ты прав. Не возвращаются оттуда.
Я в парк вхожу по имени Гастелло.

СОНЕТ X

Никогда я тебя не увижу,
И с цветами к тебе не приду,
В незнакомом и шумном саду
Невниманьем своим не обижу.

Ни зимой, ни весной и ни летом
Под твоим не стоять мне окном
И не ехать в трамвае одном
Даже с самым счастливым билетом.

Позабылось заветное слово,—
Никогда не аукнется снова
Сквозь видений и снов круговерть.

Даже если всю жизнь потеряю,—
Ничего о тебе не узнаю:
Только имя известно мне — Смерть.

«БЕССОННИЦА»

Ропот тихий, осторожный,
Робкий взгляд из-за плеча,—
Отблеск жизни невозможной
Будит, разум горяча.

То ли мысли, то ли крылья
Вдруг вспорхнут во тьме ночной:
«Где, ты, где, ты, Инезилья?» —
Репродуктор за стеной.

А стена выходит в осень,
В застоявшуюся рожь,
Вспоминая неба просинь,
Как заведомую ложь.

То ли песня, то ли сказка
Без начала и конца
На мгновенье замирает
Легкой тенью у лица,

Кто-то горестно вздыхает,
По-старушечьи ворчит
И в заспавшуюся душу
Лапкой тоненькой стучит.

«ИУДА»

Наважденья долгой ночи
Прочь летят к утру;
Путь им больше не морочить
Свету и добру.

Непослушными руками
Обрываю нить,
Что пытается веками
Нас соединить.

Радость встреч и час прощанья
Крест святой вослед,
Слезы, клятвы, обещанья
Вспомнятся как бред.

Вот и все. Сказалось Слово,
Блеск в глазах потух.
Где-то криком жизни новой
Прокричал петух.

Время легкими тенями
Мой туманит взгляд
И дрожит вокруг ветвями
Гефсиманский сад..

«ЕНИСЕЙ» (ТОДЖА)

На рассвете ключья мыслей убаюкает простор.
Облака над ним повисли, оставляя мне зазор
Для грядущего исхода. Подо мной через века,
Вдаль лениво катит воды транссибирская река.

Выстрел дальний серебрится, чайка стонет над струей,
Ветерок спешит напиться изумительной хвоей

Сна и памяти невольник, замороженный бедой,
Плачет согнутый топольник над безжалостной водой,

Грозных скал тугие щеки небу шлют немой укор,
Сквозь немислимые сроки свой читая приговор,
Их палач, ведомый Роком, бег слегка замедлит свой,
Разыгравшись по протокам, вечно юный и живой.

Обнимая и терзая подступившие луга,
Когти струйные вонзая в заливные берега, —
Оставляет серым будням муки вырванной травы
И несет от Бога — к людям талый запах синевы.

Галина
Принцева

И МАСТЕРСТВО, И ВДОХНОВЕНИЕ...

(Заметки о русскоязычной поэзии Тувы).

«Лида-угбай появилась в дверях палаты веселая, в белом халате, с огромной книгой нот в руках. Поздоровалась, под села к пианино, открыла его черную блестящую крышку и заговорила:

«В немецком городе Бонне, где течет река Рейн, среди роскошных зданий стоит небольшой двухэтажный дом. Сейчас это музей, а раньше в нем жил великий немецкий композитор Людвиг Бетховен. Перед ним преклоняются музыканты всего мира».

Имя Бетховена нам ничего не говорило. Мы никогда не слышали

о нем и не знали его музыки. Но мы слушали Лидию Алексеевну, не прерывая. Она говорила о творческих муках композитора и его жизненных неудачах. Мы радовались, что Бетховен не отступал перед горестями и болезнями, всегда старался принести людям счастье и радость.

«Мне хочется сыграть вам сегодня первую часть из «Лунной сонаты» Бетховена. Даже начавшаяся глухота не могла помешать композитору создать это замечательное произведение», — продолжала Лидия Алексеевна.

Полилась неповторимая по своей

красоте музыка. Слышали мы такую впервые. Она запала в душу на всю жизнь. Передо мною возникли очертания переличатой игры лунного света на водах озера Чагытай. Мелодия, чистая и прозрачная, росла и ширилась, заливала сиянием своих стремительных лучей комнату. Это было счастье и радость, жизнь и любовь. Я забыл о недавней боли и страхе, о запахе лекарств. Все это ушло куда-то очень далеко, во мне был Бетховен, его музыка — и я был не по-детски счастлив.

Мой друг Саин-оол, который еще вчера ныл от боли и страха, в эти минуты лежал, откинувшись на подушки, и улыбался задумчивыми глазами. Значит, он тоже был счастлив.

Не помню, сколько лет нам было тогда — восемь или девять».

Цитированные строки принадлежат Сергею Баиру, известному в республике журналисту, а по образованию и творческому опыту — режиссеру телевидения и театра. Его стихотворения в прозе или лирические миниатюры — это поэтичные зарисовки окружающего мира.

Сергей работает в очень трудном жанре. Родоначальником этого жанра в русской литературе был И. С. Тургенев. Еще своими учителями Сергей считает Бунина, Паустовского, Айтматова.. А его девизом стали слова Э. Хемингуэя: «Каждый человек — это тема».

Лирические миниатюры С. Баира — это и история, и философия, и природа, и связь времен, и непосредственное чувство.

«Всего несколько дней живу я в Кунгуртуге, таежном поселке жи-

вотноводов, рыбаков и охотников. Здесь свежий лесной ветерок, синие горы, тишина и какой-то особый акцент моих собеседников — этакая смесь тоджинского диалекта с монгольским языком.

Девочка, закончившая десять классов, желает поступить в театральный институт (стала же актрисой одна ее землячка!). И вот она читает стихи русских поэтов, как бы репетируя предстоящий вступительный экзамен по актерскому мастерству,

«Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому что я с севера что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при дуне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ!»

От привычных музыкальных строк Есенина возникает ощущение поэзии. Рязанские раздолья где-то вдалеке. А здесь, на границе, с Монголией, бронзовая, стройная, узкоглазая юная тувинка в джинсах читает «Персидские мотивы»... Неважно, что с акцентом, с неправильными ударениями — читает от души. И откуда ей знать, что заветная мечта поэта — подышать воздухом Шираза, прийти к могилам великих лириков Персии — так и не сбылась, что посвятил он бессмертные строки не персиянке из легенд, а батумской учительнице Ш. Т. Тальян...

Над Кунгуртугской долиной серебристо протрубили журавли».

Книга «Журавли над Кызылом» разошлась в считанные недели. И ничего удивительного. В книге — то, чего так мучительно не хватает нам сегодня — живая человеческая душа.

* * *

Внутренний мир лирической героини Эммы Цаллаговой завораживающе притягателен. Но нет в нем покоя и уюта. Умиротворенность, согласие с самою собой и всем окружающим — редкое душевное состояние. Эмма вызывает к жизни свою женщину в минуты собственных страстей и потрясений, держит ее, и читателей «на нравях».

«Летающая птица» присутствует не только в названии стихотворного сборника Эммы («Мелодия для летающей птицы»). Она «пролетает» через очень многие стихи. Этот символический образ вездесущ и многолик. Героиня «будет, пока жива, птицей, всегда летающей», «лишь в смерти прерывающей полет». Но она и после смерти сохраняет страстную жажду жизни, потому что «у мертвой птицы вслед летающей стае еще крыло упрямое дрожит». Предметы и явления, окружающие героиню, тоже зачастую крылаты. Вот лодка, которая «два весла, как намокшие крылья, мимо берега тихо несла». «Как два крыла», пронесит девушка коромысло на своих плечах.

На одной из недавних встреч с читателями Эмме был задан вопрос: «Можно ли сказать, что в ваших стихах присутствует некая безысходность, обреченность? (даже в самых оптимистичных)». Эмма ответила отрицательно а по своему аргументировала ответ. В этом отрицании мне хочется быть солидарной с ней.

Героиня Эммы — и «летающая птица», и земная мятущаяся душа, которая «беспомощно повиснет на волоске сгорающих надежд». Этой душе знакомы предчувствие и про-

зрение, пробуждение во тьме на- встречу сомнениям и тревогам.

И будет страшным это пробужденье
В тумане, где ни цели, ни дорог.
Где грезится тебе, как наважденье,
Высокий и спасительный порог.
Но так душа устала от обманов
И так недоставало ей побед,
Что шаг ступить — открыть былую
рану,
Которой исцеленья больше нет.

«Высокий», и «спасительный» может в действительности оказаться страшно опасным, «смертным». Другая душа, непонятая и сама не желающая понять героиню, ужасает ее: «Твоя душа — высокая ограда, и я боюсь той страшной высоты». Но полет, но дорога — это осознанная судьба, Значит, прозреть, понять, — пусть ужаснуться, — но встать и идти.

Я мечусь в лабиринтах дорог,
Я плечом ощущаю беду,
Проклинаю твой смертный порог,
Но иду, все равно я — иду!

И это неостановимое движение «по дорогам, по рельсам, по звездам», «по броду», когдаходишь «в волну незнакомой реки, как в живую, без шума и всплеска»; по тропинкам Осетии и Тувы, где «забвения горькие травы, словно руки, касаются плеч», — это движение манит за собой в поэтический мир Эммы Цаллаговой.

* * *

Инна Принцева — талантливая поэтесса и переводчица таких живых

классиков тувинской литературы, как Ю. Кюнегеш, Ч. Куулар, А. Даржай.

До сих пор на памяти одно из ее первых стихотворений, «Август». с его великолепной цветописью:

Вот август —
алоое лето.

Какой ненасытной синью
смеется гордое небо
над рыжей сухой полыню!
Какие жаркие руки
летят, словно птички крылья,
над темной памятью мертвых,
истлевших под древней пылью...

Уже тогда, совсем еще юным человеком, она совершенно нетрадиционно решила абсолютно и стопроцентно традиционную для так называемой женской поэзии тему материнства:

От солнечной, сухой кроны
Оторваны легчайшим ветерком,
мы — два листа, кружащиеся сонно
в огромном мире, тихом и пустом.
Мой маленький,
из светлого гнезда!
Из копошений
пестренских пеленок
вдруг вырастает любопытный взгляд,
он расцветает,
он лукав и тонок,
он латится весенней травой...
И до страданий — никакого дела,
и неразлучно маленькое тело
с веселой и бесстрашною душой.

Лев Толстой писал, что истинное искусство состоит в умении скрывать искусство. Инна на данном этапе своей биографии — состоявшийся творческий работник, вполне владею-

щий формой классически — строгого перевода. (Для глаз чужих тебя на свете нет», «Людская совесть», «Из радуги — водопад», «Судьба лиственницы»). Ее собственные стихи отмечены печатью подчеркнутой индивидуальности, ее манеру не спутаешь ни с какой другой; у нее сильнейший ассоциативный ряд, яркая образность, бьющая в глаза, а иногда и по нервам.

По высокому вечеру
кто-то бродит в деревьях,—
мимо птиц, замороженных снами,—
совершенно бесцельно.
Заплетаясь в траве, ковыляет,
шепот — бабочек взлет разноцветный,
и хрупкие пальцы скользят...
Вы ошиблись, хвостатый.

Мой яркий наряд
совершенно случаен. Ношу,
что подали,
что нельзя подарить и насильно
нельзя отобрать.
Посидим?.. Там, вернетесь,
исполнив урок,
непреренно слезу передайте бедняге,
что в земле восседает,
истлевшим лицом на восток..
Ваши руки — что стебли цветов,
разумеется, лилий,
и младенцев душить, и на огненной
скрипке играть.
А душа не моя. Поносить по земле
разрешили,—
ни кусочка купить, ни кусочка
украсть,
ни кусочка продать.

Из всего сказанного выше, сделаем вывод: Инне давно пора подумать о собственной книге. Стихов у нее достаточно на несколько сборников.

* * *

А теперь о наших самых сложных.

С творчеством Эдуарда Мижита я познакомилась много лет назад. Не помню уже, где, когда и при каких обстоятельствах прочитала вот это, поразившее меня стихотворение — «Препарирование».

Она была похожа на мулатку своей, как просмоленные канаты, наформалиненную насквозь кожей, когда ее коснулся острый ножик с названием блестящим — скальпель, в котором, правда, что-то и от скальпа.

Над нею юных эскулапов группа склонилась, суетясь, но, скажем, грубо

копаясь страстно дерзкими руками в паху, и в животе, и под грудями. А смерть, уже бродя меж ними, ее губами ухмыляется над ними.

В чем магия этого стихотворения? На мой взгляд, в подчеркнутой двупланности, в сопряжении несопрягаемого, в совмещении несовместимого: жизнь и смерть, бунт и мир, день и ночь. Эдуард — поэт-мыслитель, поэт-философ; главная его тема — эта тема доктора Фаустуса, тема остановленного мгновения — и проблема препарирования этого мгновения, проблема проникновения в суть вещей и установления всеобщих взаимосвязей бытия. Об этом говорят сами названия его верлибров и стихотворений в прозе — «Мальчик и ручеек», «Колодец», «Пауза», «Белая мистерия», «Свет и тень», «Там живет Бог», «Полёт», «Память», «Смена ролей», «Река — об-

рыв — лодка», «Звено цепи», «Миф», «Роса на камне».

Не осколок ли ты пьедестала, ступенька лестницы, или надгробной плиты? Или скатился с насыпи древнего кургана, разбросанного центробежной силой забвения?

А может, был чьим-то орудием и заглянул когда-то в мысли того, череп которого ты раскроил, ты, камень мокрый от слез на рассвете?

Это наслаждение — «раскручивать» вещи Эдуарда, постигая их сокровенную суть. Германн Гессе называл искусство, творчество игрой в бисер. В свой бисер Эдуард играет мастерски. Он, работающий в самых разных жанрах (поэзия, проза, драматургия) — писатель от Бога. Не писать он не может, как пчела не может не собирать мед.

* * *

И о стихах Евгения Антуфьева следует говорить особо. По-видимому, сборник прошлого года «Беспредель» планировался как итоговый, поскольку в него вошли стихи из трех предыдущих («Два возраста», «Опасная зона», «Распятие»). Я намеренно не буду касаться прозы, потому что она достаточно удачно отрецензирована Ю. Некрасовым в статье «Стихи и проза, лед и пла-

мень». От себя добавлю только, что самое щемящее впечатление производят эти страницы смерти и любви, этот действительно самый короткий на свете роман.

Мышление героя Е. Антуфьева катастрофично. Закоулки, тупики, темные загибы человеческих судеб, подвалы сознания. Социальная вертикаль: человек, заблудившийся по жизни, обездоленный ребенок, падшая женщина; черная энергия «дна», причем это дно совершенно не обязательно является материальным и вещественным:

Вы слишком далеко зашли.
Вы слишком глубоко копнули.
И там такое вдруг нашли,
Что в ужасе свечу задули.
Ужасно жить в таком ключе.
И ваш двойник кричит в испуге,
Что нет пощады в палаче,
Когда он к жертве тянет руки...

Есть стихи иного плана, безусловно, есть — своеобразная противодействующая, «просвет за лесом»:

В провинциальном горстке зеленом
Я столько лет жил миром законным,
И у любви я шел на поводу.
И мне казалось, что в тупик иду.

Жизнь отразилась в зеркале реки.
И оказались ложью тупики..

Часто «опасной зоной» оказывается любовь: не всегда на любящих смотрят глаза бога — иногда это бывают глаза дьявола:

Ты не бойся меня. Не бойсь,
Зря бояться меня не надо.
Коли встретиться довелось —
Затворю я сейчас ограду.
Ночь темна. Не сочту за труд
На исчлг я тебя пристрою.
Ты не бойся меня. Вот тут,
У забора тебя зарюю.

Как поэт, Е. Антуфьев нашел себя в «Опасной зоне». Последующий сборник «Распятие» стал своеобразной мольбой об искуплении. Однако вслед за «Распятием» был издан «Беспредел» — нечто уже без всяких дисциплинарных ограничений. Опасная зона не отпустила человека, он только «шагнул в бездну», а теперь ему предстоит эту бездну пройти — шаг за шагом, от края до края.

* * *

Вот и подошли к концу мои картинки с выставки. Пять поэтов — хороших и разных, и каждый из них вполне достоин отдельного разговора. Пусть же их звезды разгораются все ярче и ярче на горизонте нашей многонациональной литературы.

К. Емельянов

БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Очень сложно говорить о судьбе человека, когда осознаешь, что до его уровня духовности подняться почти невозможно. И это определено не только ее сложностью, но именно силой воли, любовью к жизни, целеустремленностью.

Анатолий Федорович Емельянов родился 20 августа 1925 года в селе Сухобузимо Красноярского края. Раньше я шутил, что село Сухобузимо, место ссылки советской интеллигенции, породило двух великих людей — художника Сурикова и моего отца. Теперь, после его смерти, все прожитое рядом с ним видится более обнаженно.

Он фронтовик, брал Кенигсберг, Берлин, имел награды, был ранен в бою. Несколько лет, после победы над гитлеровской Германией, отслужил в странах Европы командиром комендантской роты, что позволило ему в совершенстве овладеть немецким и польским языками. Профессор Берлинской консерватории научил его неплохо играть на рояле. О том периоде своей молодости из-за скромности отец рассказывал очень редко, только после моих настойчивых вопросов. Он никогда не жил прошлым и всегда был устремлен в будущее. Более всего в жизни ценил знания.

Его пьеса «Вхожу я в темные храмы...», посвященная годам оккупации Красной Армией Польши до сих пор не опубликована и не поставлена на сцене. Но это другой вопрос.

Офицером запаса отец поступил в МГУ на философский факультет, отделение психологии, закончил аспирантуру.

Много лет спустя, когда я учился в Литературном институте им. А. М. Горького и жил в Москве, жизнь как-то сама знакомила меня с его однокурсниками. О нем говорили только хорошее, цитируя на память его сту-

денческие стихи, укоряя меня, конечно шутя, что я не настолько гениален, как мой тогда еще живой отец. Я не ревновал, потому что достаточно серьезно его уважал, зная его силу и слабости.

Вместе с мамой в 1955 году он приехал жить и работать в Туву. Как-то на мой вопрос еще семиклассника, почему он не делает карьеру и не перебирается в центральные города России, отец ответил, что ему здесь хорошо, что ему нравятся командировки в районы, нравится общаться с людьми труда, жить их заботами, что в Туве он чувствует себя свободным человеком.

Отец никогда не жаловал чиновников, хотя сам был причислен к их касте; долгое время работал заместителем министра культуры. Но всегда был скромным и предельно внимателен к сотрудникам. Жил не для себя, для страны. До сих пор люди, работавшие вместе с ним, очень тепло его вспоминают.

Я в семье был четвертым по счету, но помню, как забирали из роддома самых младших — Сою и Дениса. Для Анатолия Федоровича появление в семье ребенка было самым ответственным моментом его жизни. Он очень гордился нами, если мы проявляли творческие способности, и очень сильно огорчался, если мы начинали несерьезно относиться к себе.

Странно, но неприятности, грозящие его детям, он чувствовал на огромных расстояниях. Его неожиданные телефонные звонки в Москву позволяли выровнять дыхание, более четко сориентироваться в ситуации, как будто он предвидел будущее. Мудрость — душевное качество избранных. Понятно, почему нас, своих детей, он любил больше чем себя и уважал нас даже еще очень маленьких.

Огромная библиотека, собранная им за годы жизни в Туве, позволила получить неплохое интеллектуальное развитие мне и моим сестрам и братьям. Еще при жизни он завещал эту библиотеку мне, как его литературному преемнику. В основном библиотека сохранена, но часть по своей нищете за бесценок я был вынужден продать городскому отделу культуры, поскольку срочно нуждался в лекарствах. Сейчас мне приятно видеть эти книги на полках городских библиотек; как будто отец до сих пор воспитывает маленьких кызылчан.

Анатолий Федорович был нетерпим к несправедливости, допущенной кем-то по отношению к человеку, будь то ребенок или взрослый человек. Любое проявление насилия над творческой личностью воспринимал как личное оскорбление. Ему была свойственна разумная смелость. Неоднократно при мне ради удовольствия переплывал Енисей. Как-то в Летнем кинотеатре во время киносеанса произошла драка между молодыми мужчинами. Отцу тогда было 54 года. Но он решительно пресек хулиганство. Никто из дерущихся не посмел даже пикнуть в его адрес. Таким он был всегда.

Теперь о его литературном творчестве. Среди русских писателей особо выделял Ф. М. Достоевского и В. Шукшина, из поэтов — М. Лермонтова и Н. Рубцова. Сам работал над темой «Декабристы и старообрядчество». По-

следний поэтический сборник «Судьба» составляли вместе. Он как-то очень вежливо попросил меня быть его домашним редактором. Я помог отредактировать повесть «Староверы» и повесть «Лиственница широкоствольная». В тот же период, в 1987 году была создана «От мира не уйти», по одноименной книге публицистики, написанной ранее. Эти книги и сейчас вижу на книжных полках многих кызылчан.

Помню, как меня, еще школьника возил в Верховье ознакомиться с культурой староверов. Но это особый рассказ.

Творчество писателя складывается из общения с людьми, осмыслением себя в этом мире, из знаний и таланта.

В нашу квартиру часто заходили писатели, художники, композиторы.

От общения взрослых, слушающая разговоры, подпитывались и мы. Навсегда запомнил художника В. Ф. Демина, остроумнейшего человека, который по поводу моего рождения подарил моей матери, Светлане Владимировне Козловой, свою картину. А. Б. Пюрбю своим присутствием на расстоянии вызывал у меня чувство глубокого уважения. Композитор Френкель сразу же воспринял Дениса, самого младшего из семьи. Сейчас Денис занимается музыкальным творчеством. Известная балерина Сахьянова в свое время забрала мою сестру Анастасию в хореографическое училище в Улан-Удэ. Заходил и этнограф С. Вайнштейн, в начале 80-х. Сейчас, встречая М. Б. Кенин-Лопсана вижу, что он искренне переживает за детей Анатолия Федоровича и Светланы Владимировны.

Несколько лет до самой смерти Павла Антокольского отец дружил с ним. Встречался, переписывался. Помню, как отец много размышлял о поэме Антокольского «Сын». Странно, но эта поэма в последующем как будто определила смерть и моего старшего брата Федора. Он умер через год после смерти отца. Пластинка с голосом автора и книги, подписанные П. Антокольским я передал на хранение в республиканскую библиотеку им. А. С. Пушкина безвозмездно, как и архивы С. В. Козловой в краеведческий музей им. 60-ти Богатырей.

Переписка двух поэтов и другие архивы отца находятся у моей старшей сестры Ирины Анатольевны Ткачевой. Некоторые рукописные материалы находятся в архиве Тувинского издательства.

Анатолий Федорович прекрасно разбирался в политике и поэтому очень тяжело переживал кризис СССР, болел за страну всем сердцем, из-за чего и перенес два инфаркта. Еще в 1986 г. он сказал мне: «У нас великая страна, поэтому ее раздирают великие противоречия...» Он был честным коммунистом, поэтому его вызывали «на ковер» в Обком партии и в КГБ.

В январе 1992 года отец мужественно умирал от внутреннего кровотечения желудка, философски воспринимал свой уход из жизни. По рассказам медсестер, он шутил, сплевывая кровь до тех пор, пока не захлебнулся ею.

Помню, как республика хоронила отца. Были и такие, кто смеялся над его гробом в ДНТ. Тогда это ранило меня, но сейчас я понимаю, что у до-

стойных людей обязательно должны быть недоброжелатели. У отца не было врагов, они слишком мелковаты для его авторитета. В тот день на похороны отца пришел весь город. Но тем не менее его скоро забыли. Наверное, спустя почти десять лет пришло его время, время осознания глубины его литературного и морального наследия.

Общество подавляет неординарную личность, если не заинтересованно в ней, но именно личности определяют дальнейшие развития общества. Надеюсь, что в изучении учеными и литераторами архивов Анатолия Федоровича Емельянова более не будет препятствий, и мы в скором будущем сможем ознакомить Вас, уважаемые читатели с его литературным наследием.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТИХИ

<i>К. ЕМЕЛЬЯНОВ.</i>	
Материнство	3
<i>Светлана КОЗЛОВА.</i>	
Ветер	4
Корень	4
<i>Антон УЕРЖАА.</i>	
«Не знаю, кто тогда огонь разжег...». Пер. И. Принцевой	6
«Вода сопротивлялась...». Пер. И. Принцевой	7
Дапсы. Пер. И. Принцевой	7
«Весной...». Пер. И. Принцевой	8

ПРОЗА. СТИХИ

<i>Куулар ЧЕРЛИГ-ООЛ.</i>	
Влияние деда Сандака. Подарок дяди (главы из повести «Шораан»). Пер. Г. Принцевой	9
«С деревьев сыплет золото дождем...». Пер. А. Павлова	19
«Трудяги-бобры смастерили мне плот...». Пер. А. Павлова	19

МАСТЕРСКАЯ

<i>Сами о себе</i>	21
<i>Светлана ГРИВИНА.</i>	
Храмы возносятся	22
«Частая дробь копыт...»	23
Поход Игоря	23
«Суровый лист холста...»	23
«Ненадолго затихли все чувства...»	24
Белый стих	25
<i>Алексей АРЕСТОВ.</i>	
«Я подбираю себе начало...»	26
«И вот в уставшем этом мире...»	26
«Я жег песок в раскате грома...»	26
«Икона плачет-мироточит...»	27
«Проводите меня на лафете...»	27
«Вот на листе тля...»	27
«Осень в город пришла...»	28
«В полете желтый лист кружится...»	28

«Потихоньку собирал...»	28
<i>Мария ГАЛАЦЕВИЧ.</i>	
Мгновение	29
Усталость	30
«Свобода, милая Свобода...»	30
Непокой	31
Осенний парк	31
Мугур-Аксы	31
<i>Роман ЗРАЖЕВСКИЙ.</i>	
Очищение	32
Смех грозы	33
<i>Сергей МИХАЙЛИН</i>	
Памяти В. С. Высоцкого	34
Непохожесть	36
Лучшие годы	36

ПРОЗА. НОВЫЕ ИМЕНА

<i>Альберт ХОМУШКУ.</i>	
Эюд-штрих	38
Покой. (Эюд)	40
<i>Алексей ВЕРИГИН.</i>	
Из жизни битлз	41
<i>Инна ПРИНЦЕВА.</i>	
Птица одиночество	48
«Из тополя...»	49
«Высокий дождь обрушился дворцом...»	49

СТИХИ

<i>Евгений АНТУФЬЕВ.</i>	
Свеча	50
Мост	50
Освящение	51
<i>Освальд дьявол</i>	51
Черная кошка	52
Снайпер	52
Крест	52
Длина окружности	53
Ноль	53
Беда	53
<i>Николай КУУЛАР.</i>	
«Дождь хлещет с утренней зари...». Пер. В. Зуева	54
Кино воспоминаний. Пер. И. Принцовой	54
«Хмурое небо —...»	56
«На рассвете...»	56
«Они ушли, не дождавшись...»	56

СТИХИ В ПРОЗЕ

<i>Эдуард МИЖИТ.</i>	
Из цикла «Ожившее время	57
Из цикла «Акварели»	61
Из цикла «Некто»	62

СТИХИ

Кондратий ЕМЕЛЬЯНОВ.

Душа	64
Невесты	64
Город грез	65
«Рожденные ночью часто слышат музыку Неба...»	66
«Ты — словно размышления осколок...»	66
Час Быка	67
Лель	67

Сергей ОЛЗЕЙ-ООЛ.

«Мы часто время погоняем...»	68
«Уходя, мы забываем часто...»	69
«Золотистых листьев стайку носит...»	69
«В тиши ковыльной, в сумерках вечерних...»	69

Анатолий БЫКОВ.

Акростих	70
Время сов	71
«Я в парк вхожу — по имени Гастелло»	71
Сонет X	72
Бессонница	72
Иуда	73
Енисей (Тоджа)	74

МЕМУАРНАЯ ПРОЗА

Мария ХАДАХАНЭ.

Мой Кызыл	75
-----------	----

ЗАМЕТКИ КРИТИКА

Галина ПРИНЦЕВА.

«И мастерство и вдохновение...»	83
---------------------------------	----

ДАТЫ

К. ЕМЕЛЬЯНОВ.

«Быть человеком». К 75-летию А. Ф. Емельянова	89
---	----

25頁